

18 Эмили Варгас

СЕРИЯ

ПОКА ДЕМОНЫ СПЯТ

КНИГА
ПЕРВАЯ

• C A V E • C A N E M •

ИЛИ

ОСТОРОЖНО ЗЛАЯ СОБАКА

Натали Варгас

**Save сапет, или Осторожно,
злая собака. Книга первая**

«Издательские решения»

Варгас Н.

Save sanem, или Осторожно, злая собака. Книга первая /
Н. Варгас — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986155-9

Таинственный иностранец, переступивший порог дома князя Камышина под Петербургом, попадает в круговорот событий, с которыми связаны мистические события, приведшие к гибели русского офицера в Перу, кровавая трагедия в Испании и целая цепочка необъяснимых смертей в России. Едва загадочный маркиз ступает на древнюю мозаику Save sanem, в жизни воспитанников и хозяев благородного пансиона запускается зловещий механизм, жертвами которого становятся молодые учителя, местные жители и дети...

ISBN 978-5-44-986155-9

© Варгас Н.
© Издательские решения

Содержание

Натали Варгас	6
Серия: Пока демоны спят	7
Вместо пролога	8
Часть 1. Пансион	12
Глава 1. Год 1811, Санкт-Петербург	13
Глава 2. Пансион	15
Глава 3. Маркиз	17
Глава 4. Сон	20
Глава 5. Кто такой бурмистр и что с ним делать?	21
Глава 6. Встречи	23
Глава 7. Дворецкий Бакхманн	26
Глава 8. Приют малюток	29
Глава 9. Знакомства	31
Глава 10. Пелагея	39
Глава 11. Озеро	42
Глава 12. Мечты	44
Часть 2. Храм над облаками	46
Глава 13. Волки	47
Глава 14. Шаман	51
Глава 15. Кладбище	53
Глава 16. Шарапа	55
Глава 17. Подольские	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Save санет, или Осторожно, злая собака

Книга первая

Натали Варгас

© Натали Варгас, 2020

ISBN 978-5-4498-6155-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-6156-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Натали Варгас

Серия: Пока демоны спят

Книга первая

Save sanem, или Осторожно, злая собака

Я знаю вчера, мне принадлежит завтра.

– Книга мертвых

Вместо пролога

Перу, декабрь, 1798 год

– Ей-богу, не бредни это, Сергей Мартыныч! – крестился Каморкин, мичман шлюпа «Апраксин». – Жинка сама все видела и описала мне во всех, вот самых что ни на есть подробностях!

Молодой лейтенант перестал ходить по комнате. Чем больше они ждали, тем тяжелее был груз самой идеи приехать сюда. К шаману. В дом посреди унылой, безжизненной пустыни на побережье Тихого океана. Вернее, это была старая двухэтажная, украшенная маленькими балкончиками с резными ставнями вилла. Просторный закрытый двор с чередой комнат по второму этажу противостоял раскаленному пространству. В доме, хотя и сделанном из дерева, было прохладно и сухо, но все же запах казался просоленным и продымленным.

Уже три года лейтенант Сергей Мартынович Подольский не был дома, не видел отца. На письмо – ни ответа, ни намека. Да и мать его словно в воду канула. Последнее, что ему было известно: отца наняли в качестве поверенного в дом князя Камышева. Отец работал юристом и правил бумаги, о значении которых умалчивал. Дела творились, судя по всему, тайные.

– Так значит, правда, что жинку свою вы пять лет не видели? – спросил Подольский Каморкина.

– Правда, говорю же, – мичман уверенно кивнул. – Я уж думал, делать-то что? Деньги ей отправил, и ничего. Думал, матросик тот с гишпанской брихантины наврал и ни в какой Петербурх он и не собирался плыть. Деньги забрал, серебришко-то мое, и гуляет, подлец, в Мадриде или еще где.

– Ну и? – лейтенант продолжал коситься на дверь, в которую вышел хозяин дома. Терпение его сходило на нет.

– Вот тогда мне приятель один на шамана и указал, ваш благородь. Мол, в нескольких днях пути вокруг нет никого, так что никто и знать не будет. Езжай, говорит, и обратись к этому... – мичман отер лоб, – к хампикамайоку, что ли. Вот.

– Дальше что?

– Ну, я пришел, рассказал, что и как, волнуясь, мол, знать надо, что с жинкой, ну и с деньгами что... Мужуку, хампику этому, рассказал. А он и говорит: сиди и жди. – Тут старик задумался, потер колено. – Через четверть часа вышел он ко мне и говорит, мол, ждет меня жинка и деньги скоро дойдут. Мол, в штиль та брихантина попала, задерживается. И все. А когда вернулся на судно, мы в Патагинии уже были, тогда-то письмо мне наш квартирмейстер передал. Жинка рапортовала! Ух, и много ж накалякала! Небось Прохор, старый дворовый наш, что грамоту знает, с неделю от пичменного прибора не отходил.

– А в письме-то что было? Говорите, черт вас в бедро!

– Всякое, – мичман помялся, – ну и про то упомянуто. Мол, собралась Фросинюшка, жинка то бишь, дом закладывать. И вдруг в дверь посереде ночи стучат. Ну, старуха моя порычала, конечно, но дверь Прохору открыть велела, – тут мичман вдруг передернулся, плечи приподнял, сжался и зашептал. – Видят они, во дверях мужик стоит. Кожей темный. Волос черен, как смола, волной до плеч. Не больно высокий, но широкий, статный. А глазища! Казалось, черные, ан нет! Из них будто изумруды мерцали в хлубине. Вот! Тут она с Прохором так и села. Черт какой пришел, думала.

– Ну и? – Подольский присел к рассказчику и в волнении вытянул шею.

– А черт этот, то бишь гость, и говорит по-нашенски. Подожди, мол, дом продавать. Недель через две вам деньги от мужа придут. Вот. И в темноте растворился.

– Вот дела!

– Дела темные. Фросиньюшка в церковь, ясное дело, сходила, но дом отдавать повременила. И как по часам! На пятнадцатый день подлец мой с деньгами пришел! Дьявол такой! И все как хампика тот слово в слово повторил. Мол, в штить попали мертвецкий, почти весь состав вымер, пришлось команду набирать на гриньянских островах и там же на зиму остаться. Задержались аж на год!

Каморкин торжественно замолк. Помолчал и Подольский. Встал, прошелся.

– Ну да ладно, – вздохнул он и, смягчив шаг, подошел к заманчивой третьей двери.

Дверей в столовой, где они более часа ждали шамана, было три. Одна открывалась к лестнице, которая вела вниз, в гостиную. Оттуда они и поднялись, войдя в прихожую прямо с парадного входа. Вторая, по-видимому, вела в спальню или кабинет хозяина. Он, встречая их, вышел оттуда. Третьей была та дверь, куда шаман вышел. Ничего, кроме глухих звуков некоего хора, не говорило о том, куда она вела. Во внутренний двор? Песнопение доносилось гулким рокотом, будто звук исходил изнутри колодца. Подольский приоткрыл дверь. Глухой двор! Напротив виднелась лестница, но звуки раздавались снизу.

– Что вы делаете?! – прошипел мичман. – Нельзя туда!

– А вы не шумите, – бросил ему лейтенант, ступая за дверь.

Мичман затих, но бросать своего товарища не собирался. Так они мелкими шажками по балкону вдоль закрытых дверей прокрались до той самой лестницы, которая спускалась в колодец внутреннего двора. Распевание хора становилось яснее. Это были мужские голоса, нараспев произносящие фразы, смысл которых гости разобрать не могли.

– Не по-гишпански поют. Местный их язык, кечува называется, – снова прошептал мичман. Он крался за спиной высокого лейтенанта, озираясь и прижимаясь к стене, как перепуганная белка к стволу дерева. Двор был открытый, и солнце жгло немилосердно. – Ох, не к добру это наше выступление!

Подольский не слушал. Он перегнулся через перекладину лестницы и застыл. До слуха донеслись отчетливые испанские слова «ле мато, ле мато» («убили, убили»). Голос детский, болезненно сиплый. «Экьен?» («Кто?») – отвечал тому голос хозяина. «Хэнте... хэнте» («Люди, люди»). Лейтенант рысью сбежал вниз. Там, откуда доносились голоса, под лестницей возвышался алтарь, обставленный отнюдь не святыми мощами, а черепами, странными статуэтками и множеством предметов, которые смело можно было назвать колдовской утварью. Плетки, камни с непонятными знаками, хвосты, черепки и кости, чаши, наполненные смесью и дымящимися благовонными травами. Алтарь окружали люди с шестами. Они стояли, тихо напевая и постукивая нижними концами шестов о песчаный пол. Стук этот был мягким и ровным, как биение сердца. Глаза гостей были прикованы к фигурам перед алтарем: стоящему на коленях шаману и лежащему перед ним мальчику лет шести. Ребенок явно был европейцем, но столь смуглым, что выгоревшие волосы его, казалось, сияли облачным светом. Он метался в бреду и отрывисто бормотал: «Кон еспальдас... дос сеньерес... лемато эль виехо... кон еспальдас... эста муэрто...» Хозяин удерживал его рукой и тихо вопрошал: «Пуэ-дес вер а сус карас?» Мальчик стал задыхаться.

– О чем они говорят? – обернулся к Каморкину Подольский.

– Об убийстве, – мичман побледнел. – Кажется у ребенка очень страшные сновидения...

Не слушая далее, лейтенант бросился к алтарю, резким жестом оттолкнув шамана. Тот вскочил на ноги и воззрился на молодца. Люди его перестали бить шестами, но вместо сопротивления отделились к ветхим стенам. Шаман заговорил, мичман начал переводить.

– Вы должны были ждать...

– Чтобы вы замучили ребенка насмерть?! – возмущенный уравновешенным голосом хозяина перебил лейтенант. – То, чем вы занимаетесь, колдовство и чернокнижье! Я должен забрать мальчика с собой, и, если вы попытаетесь преследовать нас, я обращусь к местным властям. Думаю, инквизиция заинтересуется вашей сектой!

С этими словами Подольский подхватил спящего мальчика на руки и бросился к раскрытым дверям. Мичман только и успел перевести все, что выпалил местному шаману лейтенант, а заодно извинился и спросил, где выход на улицу. Хозяин указал на восточные ворота. Старик, краснея и раскланиваясь, побежал за лейтенантом. Шаман мрачно глянул им вслед. Вдруг он сжал ладони в кулаки и закрыл глаза. Его губы зашевелились, тело напряглось и выпрямилось. Под кожей стали видны тонкие нити вен. Над головой шамана на куполе арки медленно собиралась тень. Она тяжелела, принимая черты огромной черной птицы.

– Великий Путник, – на языке, который могла понять только растущая фигура, промолвил шаман, – я освящаю твой путь, будь моими глазами, следуй за ними.

Он распахнул глаза, вглядываясь туда, где дымилась пылью пустыня, потревоженная уносившимися в экипаже гостями. Птица, великая и зловещая, соскользнула с арки и распрямила крылья, бросив непроницаемую тень над пустыней. В несколько взмахов она набрала высоту и пустилась в ту сторону, где исчезли беглецы.

Путь их лежал по берегу океана, вдоль мыса с крутым обрывом. Изможденная жарой и безводной пустыней четверка лошадей тянула экипаж с тремя седоками и провизией на три дня, следуя линии крутого побережья. Мальчик не просыпался.

– Может, он того, – сказал мичман, сидя на облучке, – опоен.

– Был бы опоен, от него несло бы вином или еще чем, – проворчал Подольский, похлопывая спящего по щекам сухими ладонями.

– Не, то, чем они дурманят, запаха не имеет. Отвар такой у них есть из всяких листьев, смешное такое название имеет...

– Вы это видели? – вдруг крикнул лейтенант – Оглянитесь!

Мичман оглянулся, все еще вспоминая название отвара.

– То ли маяска, то ли ваяска... О боже! – еще мгновение, мичман махнул арапником и, дико вскрикнув, тряхнул поводьями. – А ну, милые, поторопись!

Лошади рванулись вперед, повозка колыхнулась, ударилась о булыжники, подскочила и, жестоко сотрясаясь, понеслась. Подольский, еле удерживаясь в кресле, снова оглянулся. Это не мираж! За ними, почти прижавшись к земле, плавно летело нечто колоссальное, черное и бесшумное: птица с размахом крыльев более чем в три сажени. Солнечный зной и восходящие струи горячего воздуха искажали видимый силуэт, придавая ему уродливо-громоздкие формы.

– Что это?! – крикнул Подольский.

– Местные ее Великим Путником называют! Но, по мне, это истинный демон!

Слегка шевельнув крыльями, птица взвилась вверх и, казалось, нависла над повозкой, сужая круги. Неведомый ранее страх объят закаленных моряков. Лейтенант достал пистолет. Даже в таком трясущемся экипаже прицелиться в гигантскую мишень не составляло труда. Прогремел выстрел. Птица метнулась в сторону, к океану – вниз, под клифы.

– Стой! – крикнул Подольский Каморкину.

– Да вы с ума сошли?! – тот остервенело бил кнутом замученных коней.

– Делайте, что говорю!

Лошади замедлили бег. Подольский приподнялся. Повозка катилась над самым обрывом, внизу безумно гремел океан. Он вытянул шею, надеясь увидеть там, внизу, на камнях, распростертое тело демонического существа.

– Ну как, видно что-нибудь?

Мичман крутил головой:

– А может...

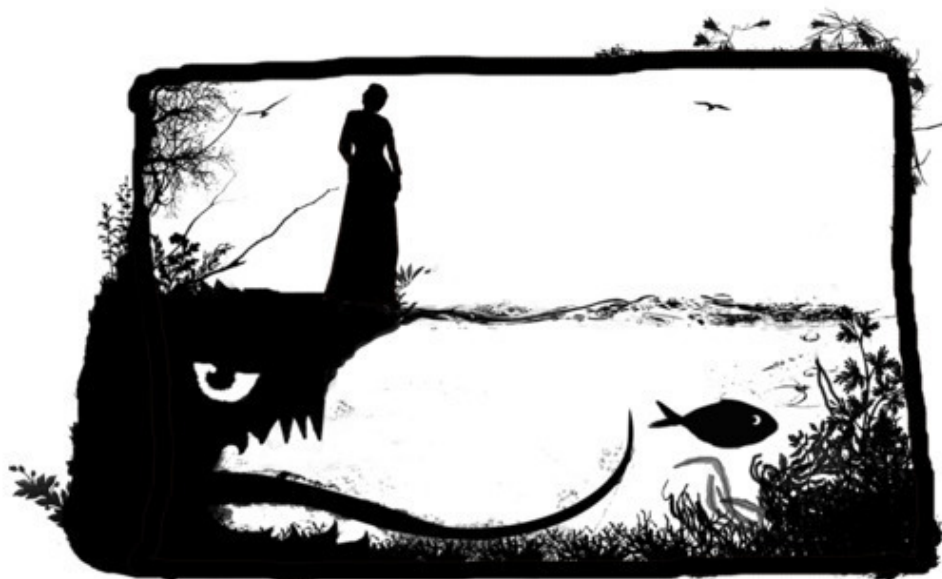
Тут он в ужасе замер. За спиной Подольского мелькнула черная тень. Распахнутыми крыльями она затеняла всю повозку. Секунда – старик успел только крикнуть «Пригнитесь!» –

как сокрушительный удар вырвал лейтенанта из кибитки. Подольский слетел с обрыва, сопровождаемый торжествующим криком черной птицы. Кони взвились и понесли. Мичман не мог больше удерживаться на подскакивающем облучке: его стряхнуло прочь, в пыль песчаной пустыни. Он еле встал после падения: был жив, но повозка унеслась уже слишком далеко. Над ней неподвижно нависала тень Великого Путника.

– Вот bestия! – прохрипел старик. – Говорил же ему, хампика ждать надо!

Через несколько миль птица опустилась на землю. Полупустой экипаж приближался к местному селению. Тварь прыжками проскакала по раскаленной пыли, отбрасывая камни, кости и черепа, усеивавшие мертвую равнину. Когтистые лапы ее украшали золотые браслеты, испещренные неизвестными знаками. Она воткнула клюв в свое левое крыло, и на землю упала дымящаяся кровью дробь. Птица вздохнула, устремив взгляд на исчезающий шлейф пыли. Заходящий солнечный диск отражался в ее зеленых зрачках.

Часть 1. Пансион

Глава 1. Год 1811, Санкт-Петербург

Конец сентября. Падающие осенние листья в ярких, прощающихся с теплом лучах искрились, как разноцветные конфетти. Солнце уже не грело, но, зажигая листву золотистым пламенем, веселилось, словно на последнем пиру своей в очередной раз умирающей молодости. По чуть подмерзшей дороге, минуя Волково кладбище с чахлой деревянной церковью, по направлению в Санкт-Петербург тащился крытый экипаж. Пассажир, маркиз де Конн, дремал, закутавшись в меховую шубу. На облучке громоздился огромного роста кучер. Дорога проходила по тихому, редко усеянному деревцами полю, граничившему со старинным петербургским кладбищем. Сброшенная листва горела под копытами четверки лошадей, с шорохом стелилась по дороге и неслась вдогонку.

Но вдруг колеса заскрежетали, повозку дернуло, будто сорвало с оси. Кучер выкрикнул «Разбойники!» и изо всех сил принялся хлестать кнутом лошадей. Пассажир выскользнул из-под шубы, выскочил из повозки, которую вмиг окружили дюжины две мужиков в грязных поддевках, прикрытых залатанными чуйками и армяками. В мгновение ока в руках маркиза сверкнули широкий клинок сабли и дага. Не сделав и шага, он полоснул лезвием первого из нападавших. Тот застонал и обмяк. Второй удар пришелся поперек горла его приятелю. Третий угодил в глаз низенькому старику с вилами. Хрип – и струя крови залила грязную кумачовую рубаху. Следующий, пытавшийся сделать выпад длинным шестом, был остановлен ударом ноги чуть повыше живота. Треснули, ломаясь, ребра: сапоги оборонявшегося оказались с металлической оковкой.

– Шарапа! – крикнул маркиз кучеру. – Ни в коем случае не слезайте с козел, а то все потеряем!

Хлыст Шарапы со свистом и щелчками прохаживался по физиономиям мужиков, облепивших повозку. Нападавшие, к счастью, оказались толпой бородатых оборванцев-лапотников, не знавших ничего о хорошем абордажном бое. Рука очередного разбойника упала под колесо, отрубленная вместе с увесистой дубиной. Раздался жалостный вопль.

– Господа! – крикнул маркиз. – Если не отступите, начну рубить головы.

Это был немолодой, но широкий в плечах человек. Он говорил, слегка шипя на букве «с», хотя остальные звуки произносил ясно и четко. Маркиз прижался спиной к двери экипажа, быстро наносил удары клинком, защищаясь дагой. Истошные крики товарищей остудили пыл нападавших. Они расступились, но не затем, чтобы позволить путникам уехать. Передышка была недолгой. Из толпы разбойников вперед выдвинулся высокий рыжий мужик со всклокоченной бородой, серыми, как сталь, глазами, в старой, но еще приличной шинели, с мушкетом в руке. По выправке он походил на карабинера. Путники поняли, что тот умел пользоваться оружием.

– Ваш благородь, – громко произнес рослый разбойник, – нам тока деньги нужны, и усе. Ни повозка ваша, ни провизия, ни одежда. Отдайте деньги, ради бога, а то порешим.

Мужики плотнее сошлись вокруг повозки. Предложение стоило принять. Хозяин экипажа вздохнул, приоткрыл дверцу, вытянул из-под сидения тяжелый бумажник в серебряной оправе и бросил в ноги разбойника.

– Я маркиз Авад де Конн, – произнес он, – клятвенно обещаю, что найду вас и поставлю на колени!

– Маркиз значиться? – зло усмехнулся рыжий мужик. – Тогда и перстенок тоже снимите-с, сильвопле.

Единственный перстень, обозначавший больше фамильную принадлежность к королевской семье, нежели богатство, сидел на мизинце правой руки поверх перчатки маркиза. Тот лишь повел бровями. Неподвижное лицо его не выразило ни злобы, ни досады. Лишь желваки

проступили из-под темных скул, да глаза неприятно сузились. Перстень перешел в руки «карабинера» и, как бы это ни показалось странным, тот слово сдержал. Повозку с путешественниками отпустили.

– Я найду его, – процедил сквозь сжатые зубы маркиз де Конн, когда толпа нападавших растворилась за изгородью кладбища. – Найду и руки отрублю. По самые плечи.

Глава 2. Пансион

Пансион для детей обедневших дворян, куда направлялся неудачливый маркиз де Конн, располагался на старой мызе, посреди густого леса, в нескольких десятках верст от Дудергофа. Это был особняк князя Камышева. Главное здание дома представляло собой широкое и основательное, как средневековый замок, строение. Пожалуй, это и был замок. Уже с расстояния в полверсты в сером полотне неба различались его черные шпили и высокие железные ворота с вензелями. Терраса перед зданием вдоль балюстрады охранялась бронзовыми скульптурами зверей. Более того, статуи животных украшали каждую дорожку просторного имения и являлись особой гордостью необычной коллекции князя Камышева.

Сам замок открывал нутро вестибюлем, двусветным центральным залом с хорами, мозаичными полами и фресками на сводах высоченных потолков. Любому посетителю обязательно приходило в голову, что все здесь окружено древними тайнами, страшными преданиями и жутковато-кровавыми легендами. Но мы остановимся на самой достоверной из историй о великих царства сего, то есть на истории о владыках Дома.

Первым из них числился сам князь Аркадий Дмитриевич Камышев. Этот необычный, но никем не знаемый старичок с рассеянным взглядом, по некоторым слухам, был членом масонской ложи или иной неизвестной, но непременно тайной секты. На людях он всегда появлялся в валашских гамашах, натянутых на турецкие сафьяновые сапоги, покрытый тяжелым восточным халатом поверх шелкового зипуна и неизменно во фригийском колпаке. Ему перевалило лет за семьдесят. С того дня, как померла его единственная дочь Валерия, двенадцать лет назад, голова старика стала быстро слабеть, да так, что если спросить про имена его детей, то он долго гадал между Алешей и Сашей...

Впрочем, князем мало кто интересовался, так как в действительности всем хозяйством заправляла его жена Прасковья Никаноровна, или в простонародье Камышиха. Пышная дама в средних годах с чрезвычайно властной натурой и неумолимо жесткой хваткой. Женился князь на ней по денежной нужде, а точнее, по причине полного кредитного упадка. Принадлежала она к купеческому сословию: разумеется, не чета дворянскому, зато состояние князя было спасено. Своих детей с князем Камышиха не нажила, так что время ее было всецело поглощено воспитанием маленьких, как она выражалась, «благородных подлецов неизвестного происхождения». Она создала целую сеть агентов из наиболее приближенных воспитанников, прислуги и приживалок, что собрались вокруг княжеского стола в числе более трех десятков. Все, что варилось в головах более чем пяти сотен обитателей пансиона, непременно доходило до тонкого нюха Камышихи, проверялось на вкус, цвет и готовность!

Следующей по значимости фигурой пансиона выходил Леонард Антонович Бакхманн, дворецкий ея светлости и надзиратель пансиона. Существо малоприметное, невысокое, пухловатое, но внешне ухоженное и до такой степени приятное, что аж челюсти сводило от внушаемой им сладости. Одевался дворецкий по немецкой моде и говорил, слегка картавя на лифляндский манер, чем еще более вызывал умиление Камышихи. Поэтому роль ему отводилась куда более обширная.

Далее можно поставить во фронт правителей внучку князя Камышева – Алену, благоуханную красавицу двадцати лет. Она приходилась дочерью той самой погибшей Валерии, в замужестве графини Димитровой. Увы, родители ее ушли в мир иной, когда мировоззрение маленькой барышни только приобретало форму. Без особого присмотра и дисциплины Алена снискала славу придумщицы и затейницы, каких свет не видывал! Что ни день, она придумывала, как разыграть кого-нибудь из жителей пансиона. Шутки были всякие. И веселые, и дурные. За это Камышиха не всегда жаловала сводницу, но терпела лишь по одной причине: Алена заправляла салоном на французский манер. Каждую пятницу она открывала двери особым

посетителям. В ее салон приглашались знатные гости из невской столицы, дети господ из попечительского совета и покровителей пансиона, высочайшие представители городского управления. Это устраивало княгиню, поэтому многое молодой графине прощалось, как и двум ее приятелям. Первый и старший из них – Яков Оркхеим. Очень небольшого роста человек, чей чахоточный вид усиливался узким лицом и огромными черными глазами. Тем не менее мсье Оркхеим являлся главой всей Алениной компании. Правда, он преподавал искусство и рисунок в пансионе, а значит, зарабатывал на хлеб своим трудом. Вторым вращающимся в притягательной орбите графини был Климент Тавельн, ее личный секретарь. Полноватый, но привлекательный по наружности и манерам, умница и прирожденный царедворец, Климент занимал особую нишу в общественном положении пансиона.

Все воспитанники и учителя знали, что с кавалерами графини стоило быть настороже, так как если те и затевали склоки, страдала по обыкновению другая сторона.

Сам пансион среди его обитателей назывался кратко: Дом. Окна всех комнат имели крепкие дубовые внутренние ставни, а на ночь наглухо запирались не только каждый корпус, но даже пролеты между этажами. У наружных дверей дежурили ночные воспитатели. Подобное беспокойство относительно безопасности воспитанников Дома диктовалось суровой жизнью и многочисленными нападениями волков.

Глава 3. Маркиз

Итак, вечером, в ночь на первое октября 1811 года в Доме началась бденная служба праздника Покрова. Само праздничное богослужение было как нельзя кстати. Торжественная обстановка и хоровое пение внесли приятную суету среди жильцов, прозябавших в трепете жесточайшей дисциплины.

Выл и скрежетал уже по-зимнему ветер, срывал последнюю листву с почерневших кустов и гнал ее, как свору взбесившихся собак, по темным аллеям старого замка. По округе, словно успокаивая бурю, лилась печально-задушевная песнь всенощной «Свете Тихий».

Это было то вечернее время, когда фитили в ночных фонарях еще не разожгли, по коридорам шаркали дежурные, а истопник только начал нагревать печи спальных корпусов. Единственный, кто остался следить за дверями Дома, был Николка Батюшкин, ключник, вечно растрепанный старик в унтер-офицерской форме времен первой турецкой войны. Он жил в караульной каморке между дверями в вестибюль и приемную залу.

Закончив обход, Батюшкин приземлился в своей комнатке, стянул сапоги, вздохнул и собрался в одиночку помолиться перед потемневшими иконками. В этот самый час в парадную дверь Дома постучали. Глухой стук, словно удары тарана, сотряс его узенький топчан. Три удара – ровных, мощных. Батюшкин замолк. Стук повторился. Он испуганно вскочил с колен, накинул поношенную шинель, влез в лапти, прихватил лампу и потрусил к дверям. Раздалась еще пара глухих толчков, столь сильных, что ему почудилось, будто дверь вот-вот сама слетит с петель. Ключник торопился, кряхтел.

– Здесь я! – крикнул он. В его сухих пальцах затряслась связка ключей. – Открываю!

Дверь, тяжелая, дубовая, наконец, поддалась и распахнулась. Батюшкин поднял перед собой лампу, чтобы разглядеть ломившихся в Дом людей, и чуть не опрокинулся назад. В дверях стоял немолодой человек чуть выше среднего роста, широкий, усталого, но сурового вида. Однако оторопеть заставили ключника глаза нежданного гостя. Поначалу они казались черными, как пустынная ночь, но в момент, когда лампа осветила лицо вошедшего, Батюшкину показалось, будто из-под изогнутых бровей блеснули стогранные изумруды. Он даже вскрикнул, вытянул вперед шею и подтянул вверх лампу, чтобы удостовериться в реальности увиденного. Немилостивый взгляд впился в морщинистое лицо старика.

– Маркиз Мендэз Авад аль Бенех аль Шакла Акен де Конн, – вдруг раздался голос позади странного гостя. – Прибыл по приглашению его превосходительства князя Камышева.

Батюшкин вздрогнул, переведя взгляд за спину маркиза, туда, где возвышался человек столь огромного роста, что бедный ключник сам для себя неожиданно воскликнул: «Сильвопле!»

Оба незнакомца переглянулись. Тот, которого так чопорно представили, вытянул вперед трость, бесцеремонно отстранил ею ключника и вошел, бросив по пути:

– Же ву ремерси.

Сопровождавший де Конна втолкнул Батюшкина обратно в проходную, поскольку был так велик и нагружен чемоданами, коробками и свертками, что не мог пройти иначе. Взамен гигант предложил свое искреннее извинение. Старик довольно закряхтел.

– Помню-помню. Вашего приезда ждали с лета-с. Сильвопле!

– Мы задержались у ворот на целый час из-за того, что те были перетянуты цепями, – буркнул маркиз де Конн, – Шарапе пришлось снять их с петель.

Батюшкин в немом восхищении воззрился на гиганта. Между тем маркиз окинул цепким взором залу вестибюля. Бросил взгляд на мозаику, довольно странную тем, что никак не сочеталась с окружающим интерьером. Она распростерлась под его ногами своеобразной вставкой, врезанной в гранитный пол, и изображала свирепого пса, прикованного к цепи.

– Cave canem, – маркиз прочитал вслух надпись под изображением.

– Осторожно, злая собака – так переводится эта надпись с латыни, – вдруг услышал гость и, подняв голову, устремил взгляд на появившегося в дверях господина. – Эта мозаика была сделана две тысячи лет назад и привезена сюда самим князем Камышевым.

Грациозная фигура незнакомца возникла в воздухе будто из ниоткуда, так тонок он был и так темно и пустынно было пространство. Мимолетная улыбка.

– Позвольте представиться, Иван Антонович Наумов, учитель истории.

Маркиз поклонился и, представив себя, выразил сомнение относительно возраста мозаики.

– Позвольте, ваше сиятельство, – только и ответил Иван Антонович. Он воззрился на собеседника, и нечто тревожное проскользнуло в его карих глазах. – Вы сомневаетесь в нашем благодетеле?

Маркиз воткнул кончик трости в нос мозаичного пса.

– Нет, сударь, не сомневаюсь, – громко произнес он, – но прихожу к выводу, что светлейший, пребывая в итальянском городе, стал жертвой обычного обмана, купив сию контрабанду с рук торговца подделками.

Наступила неясная пауза, которой и воспользовался ключник Батюшкин, обратившись к маркизу.

– Позвольте мне проводить вас, ваше высокоблагородие.

Гости, учтиво поклонившись, расстались с Иваном Антоновичем. Нагруженный тюками Шарапа тронулся за провожатым. Батюшкин, слегка забегаая перед гостями, указывал дорогу, говоря о хозяйстве, прачечных и конюшнях, о вещах прошлых и нынешних. Дорога шла не вглубь усадьбы и не к боковым флигелям, а через внутренний парк, по узкой ясеновой аллее, к отдельно стоящему дому. Там их ждал заброшенный дом, схожий с дворцом, – классическое двухэтажное здание, окруженное чудным пейзажным парком с фонтанами.

– Дом этот кортеж графа Димитрова занимал, отца молодой графини Алены... Оттого мы его «кутежным» называем, – при этих словах старик попытался рассмеяться, но, видимо, иностранцы не понимали смысла каламбура, и он вновь обратился к своему докладу. – Каминь на этажах, пять спален, гостиная, библиотека, кабинет, приемная, конюшни...

Гости слушали, не перебивая, чему ключник был очень рад. Через десять минут перед дверями «кутежного» дома, в потемках, он несколько засуетился с ключами, но и на это незнакомцы не обратили внимания. Иные господа бы ворчали и толкали бы его в спину, награждая подзатыльниками. А эти, видно, очень устали. Только после того, как гости вошли в дом, гигант сбросил груз и спросил о дополнительной прислуге для нового обиталища маркиза.

– Нынче праздничная служба Покрова Богородицы проходит... в церкви все... – объяснил Батюшкин отсутствие слуг. – Но опосля обо всем позаботится наш достопочтенный дворецкий, он же и надзиратель Дома, господин Бакхманн.

Батюшкин согнулся в поклоне и спиной попятился к дверям:

– Я о свечах, дровах и ужине тотчас распорядюсь. Наш истопник Лука Супонин, Гавран, все ваши каминь сейчас же разогреет! Даже не утруждайте себя беспокойствами. Все будет в лучшем виде, ваше высокоблагородие.

– Идите! – ответил гигант и закрыл за ключником дверь.

Маркиз подождал, пока шаги во дворе стихнут.

– Шарапа, подайте-ка мне карту, – слуга схватил длинную трубку, обитую кожей и серебром, оторыл замыкающую ее крышку и ловко выудил свернутый пергамент. – Вот здесь по полу разверните-ка.

Одним движением сверток раскинул по циновкам. Маркиз недолго осматривал карту, после чего хмыкнул, ткнул тростью в правый верхний угол и произнес:

– Мы вот здесь, – конец трости скользнул вниз, к центру карты. – Склеп семьи князя Камышева расположен у старого погоста за нашим дворцом, новое кладбище – у деревни Лупки.

Шарапа кивнул головой. Из его груди вырвалось странное рычание – глухое, словно урчание большой и сильной кошки. Де Конн улыбнулся.

– Подождем остальных, а пока моей задачей будет наведение порядка в хозяйстве князя.

Глава 4. Сон

– Спокойной ноченьки, барыня, – Ксюша, сенная девка, притворила дверь в покои молодой графини Алены.

Хозяйке Дома часто снились кошмары, так что дверь в спальню не запирали, а на ночном столике всегда горела свеча. Ксюша спала на коврик за дверями и была обязана менять ее каждые два часа, а если слышала крики, ей вменялось в обязанность немедленно звать врача.

Алена закрыла глаза, чуть поерзала, устроилась поудобнее и прислушалась. Какая-то странная, звонкая тишина. Каждая капля, упавшая в никуда, возвращала звенящее эхо. Капля? Не сон ли это? Алена на цыпочках кралась по еле выступавшему бордюру вдоль незнакомой стены – везде вода, девушка боялась оступиться. Где она? Карцер в подвале? Алена знала это место только по слухам и рассказам тех, кто был наказан Камышихой. Но вдруг из мрака бесшумно выступила фигура, невысокая, знакомая, покрытая монашеским балахоном. «Папенька?» Тот не ответил, но протянул ей руку. Зовет, манит девушку к себе. Ступает по воде, будто нет в ней глубины. Алена боялась отца, хоть и умершего. Противиться не решалась. Наконец, ступила в воду и... действительно неглубоко. Сделала несколько шагов к ночному гостю, но вдруг оказалась на поверхности льда. Замерла, посмотрела под ноги. Еще шаг, но лед становился невыносимо холодным – до такой степени, что войлочные подметки тапочек прилипли к нему. Алена обратила вопросительный взгляд к «монаху». Из-под капюшона виднелись острый подбородок и полные губы. Мертвенно-белые незрячие глаза, казалось, впились в самую душу девушки.

– Кто вы?! – вскрикнула Алена, но не успела сделать и шагу назад. Лед расплавился под ногами, словно масло под струей горячей воды, и она начала проваливаться, тщетно пытаясь ухватиться за тающую кромку льда. Страх сжал горло под самым языком. Она лишь открыла рот, чтобы крикнуть и... проснулась... вспотевшая... вскочила с постели. Зябко. Свеча потухла. Темно.

– Ксюшка! – позвала Алена.

Никто не отвечал. Девка, видимо, крепко заснула, хотя коврик из конного волоса, грубый и шершавый, специально был изготовлен для того, чтобы та не могла уйти в слишком глубокий сон. Пришлось пройти к дверям. На ощупь. Босиком. Какой холодный пол. Разве перед ее кроватью не должна лежать шкура медведя? Шкаф. Столик с бронзовым купидоном. Вот и дверь. Нащупала ручку, нажала. Дверь поддалась, девушка облегченно вздохнула и уже собралась было позвать Ксюшу, но дверь сама резко распахнулась. Алена лицом к лицу столкнулась со своим ночным кошмаром. Жутким монахом. Тот, казалось, парил в воздухе, возвышаясь над ней. Слепой взгляд. Молчание.

Вопль ужаса разбудил второй этаж замка. Свет ночных ламп, голоса... тени разбуженных слуг и родственников заметались вокруг теряющей сознание Алены.

– Господи милосердный! – приближался хриплый голос Ксюши. – Неужто барыня опять во сне ходила?

Алена открыла глаза. Она стояла посреди коридора в ночной сорочке. Ксюша уже накидывала на ее плечи шерстяной шлафор.

– Доктора зовите! – дрожащим голосом говорила служанка приближающимся слугам. – У барыни сызнова кровь носом идет...

– Что случилось? – девушка чувствовала слабость. – Почему я здесь?

В сени вбежала ее двоюродная бабка Авдотья Прохоровна, две сенные девки и ночной сторож Антипыч. В глазах поплыло. Графиня снова ушла в небытие страшных сновидений.

Глава 5. Кто такой бурмистр и что с ним делать?

С окончанием утреннего туалета слегка порозовевшая Алена полулежала на турецкой софе в будуаре. Домашняя челядь толкалась за дверями. С ней был только один человек, не считая наставницы графини – мадам Бэттфилд, англичанки. В проеме двери возник его изящный силуэт. Это был бывший воспитанник пансиона, а ныне учитель искусств и рисования Яков Оркхеим.

– Что случилось? – спросил он, встав над графиней за софой.

– Ах, Якушенок, опять мне видение с папенькой было.

– Право же, Алена Венедиктовна, то всего лишь плохие сны. Развейтесь, забудьте, – фыркнул Оркхеим и поцеловал ее круглое плечико. – Между прочим, прошлой ночью прибыл наш бурмистр, его сиятельство маркиз де Конн. Наконец-то нам представится случай увидеть того, кто в действительности управляет делами князя.

– Значит, нас познакомят в обед, – слегка качнула головой Алена. – Интересно, что он из себя представляет?

– Одни говорят, маркиз весьма властный и даже жестокий человек, другие восхваляют его за практичный ум и справедливость.

– Справедливость... Какое она здесь имеет значение? Что будем делать-то?

– Отвадим его, как и всех ваших недругов, о прекрасная Венера!

– С этим будет не так просто, – Алена сдвинула выразительные брови. – Он приезжает надолго в связи с ухудшением здоровья дедули.

– В качестве поверенного, что ли?

– Хуже, Якушенок. Похоже, дед мой не собирается оставлять наследство ни мне, ни своей супруге. Все имущество перейдет в управление маркизу до неких следующих распоряжений.

Яков продолжал покрывать поцелуями плечо графини, медленно подбираясь к шейке. Лицо наставницы вытягивалось. Алена помолчала, вздохнула и принялась обдывать себя веером. Казалось, она совершенно не замечала ласк Якова, но нет, стоило тому слегка коснуться ее нежной кожи пальцами, она тут же стукнула по ним веером.

– Вы знаете правила, голубчик! – добавила при этом она, добродетельно пошевелив плечами.

Тот прорычал нечто невнятное и, облокотившись о спинку софы, принялся добираться губами вверх по шее до ее прелестного ушка.

– Могу ли я надеяться, что мне сегодня будет дозволено коснуться ваших губок? – прошептал он.

– Я подумаю. Пока только шею, – Алена сладостно потянулась. – Как же нам маркиза этого осилить? Я помню, в последний раз он нас посещал в девяносто девятом, но я тогда совсем девчонкой была и только слышала, что он холоден и изрядно строг, как фенфобель прусской армии. Теперь этот господин развалит все, что мы с таким трудом создали.

– Мы устроим ему сказочный прием, о госпожа моего сердца! Сначала натравим на него нашего Тавельна. Потом слегка подтравим его так, что он застрянет в уборной дня на три, а между тем добавим пару шуток, и он уверится, что Дом одержим демонами!

С последними словами Яков беззвучно рассмеялся так, что его узкие плечи лихорадочно задержались. Мадам Бэттфилд сокрушенно покачала головой.

– Ах, mon ami, – улыбнулась другу графиня, – маркиз, как мне кажется, будет не столь восприимчив к вашим пугалам, как наши недоросли. Мертвые крысы и кошачьи головы его не впечатлят.

– Придумаем нечто более внушительное, – Яков перестал смеяться, приглушил голос и фыркнул. – Он будет так восторжен, что вылетит отсюда подобно гренадерской гранате... с грохотом. Весь Дом станет нашим!

– Надо быть осторожнее, Якушенок, сиятельный – из великосветского общества и может являть собой опасность нашему сельскому спокойствию.

– Вы о чем, Венера?

– О том, что в своем сне я провалилась под лед, а это значит, что человек этот приехал к нам как хозяин и, если сильно на него надавить, может использовать власть, данную ему, против нас.

Глава 6. Встречи

Маркиз де Конн готовился к встрече в кабинете князя Камышева. На втором этаже замка. Сам хозяин Дома еще не явился, предоставив маркизу свободное время для размышления и обозрения помещения. Гость прислушивался к движению в замке, чему немало способствовал встроенный в стену малахитовый камин. Все голоса, как щебетание, доносились с чердачных помещений, где обитала прислуга. Болтливые горничные рассуждали о том, во что обойдется стол Алениного салона и какие продукты следует припасти на следующую неделю...

Наконец, со стороны библиотеки раздалось шарканье, кашель и недовольный голос хозяйина:

– Я просил принести завтрак в кабинет на двоих! У меня гость!

Дверь распахнулась, в низкой арке появился князь Камышев. За его спиной уже суетился дворецкий, подгонявший слуг. Сам светлейший, как уже упоминалось, был человеком весьма занятым, довольно высоким, толстым, очень забывчивым и сонным. Ко всему тому, что о нем уже было известно, добавилась еще одна деталь: де Конн почувствовал странный, исходящий от всей комичной одежды Камышева запах, но запах не старости, а серы. Его сопровождал лакей Тимошка, специально прикрепленный «к уху» хозяина. Аркадий Дмитриевич подал знак рукой, и тот быстро что-то произнес ему на ухо.

– Авад Шаклович! – воскликнул князь. – К-ха, очень рад, весьма польщен пребыванием моего управляющего у нас Дома!

– Благодарю вас, ваша светлость, – с легким поклоном произнес де Конн.

– Садитесь же, старость моя неладная. Тимошка, где завтрак?!

Князь не без помощи лакея уселся на деревянный резной стул с высокой спинкой.

– Как здоровье вашей женушки? Не желаете ли кофею? – князь покашливал, закрывая рот платком, отчего слова его звучали невнятно.

– За кофе благодарю.

На тонкую скатерть лакей уже ставил посуду и серебро. Дюжина окороков и различных колбас, немного буженины, мед, сахар, масло, сыр и овощи из парников сада. Последним принесли кофе. Протянув руки через специальные ажурные отверстия в высоких спинках стульев, лакей ловко надел на господ накрахмаленные нагрудные салфетки, дабы те не испачкали жакеты. При этом де Конн оттянул шею, насколько мог, так как уголки салфетки никак не протискивались под его плотно прилегающий к тугой шее воротник. Ему казалось, что лакей пытался скорее задушить его, нежели сохранить одежду в чистоте. Но вот приготовления закончились, и завтрак в стиле Гаргантюа начался с кусочка хлеба и сала. Лакей чинно отрезал ломтики от каждого кушанья, раскладывая их на тарелки.

– Так как женушка ваша поживает? – вновь спросил Аркадий Дмитриевич.

Маркиз де Конн вздохнул.

– Моя жена, ваша светлость, и две дочери погибли двадцать лет назад от рук банды беглых каторжников. Ныне я вдовец.

– Ах! – засуетился Аркадий Дмитриевич. Снова знак лакею, и тот с минуту шепотом объяснял его светлости детали биографии маркиза.

Глаза старика могли тронуть печалью любое сердце смотрящего в них. Бесцветные, с ослабшими красными веками. Маркиз, чтобы показать, что не заметил оплошности князя, отпил из чашечки. Кофе был отвратительный, с запахом металла и привкусом дубовой стружки – истинное испытание для человека, упражняющегося во владении мышцами собственного лица.

– Мне приснился сон, – вдруг сказал князь, – что я молод и силен, но усадьба моя вся в развалинах, и всюду пробивается трава. Иногда кажется, будто вокруг мертвецы ходят и со мной беседуют как ни в чем не бывало. Будто живые они, к-ха, много их тут... Иногда собираются в орды, шумят, танцуют и жутко громко скрипят, пытаюсь оторвать половицы в моей спальне...

– Простите, где они собираются в орды?

– Да вот здесь! – князь махнул рукой. – Иногда и меня бередят, выхватывают из рук книги и журналы.

Де Конн представил князя, бродящим по Дому в поисках вырванной нахальным призраком книги. Теперь причина обособленности Аркадия Дмитриевича прояснялась.

– Я вижу, многое изменилось с тех пор, как я был здесь в последний раз, – не придавая видимого значения фантазиям князя, промолвил маркиз. Но тот мрачнел, что-то припоминая. Синевато-бледное старика приняло графитный оттенок.

– Клейнод, – буркнул он.

Когда же лакей торжественно объявил о подаче к столу сладкого, князь встал и, пожелав гостю доброго утра, вышел. Все произошло так неожиданно, что некоторое время Тимошка и де Конн смотрели друг на друга в немом удивлении.

– С его светлостью подобное часто происходит? – ущемленно спросил маркиз.

– Редко я такое мог наблюдать... Позвольте мне вас оставить.

Де Конн только и произнес:

– Если того требуют обстоятельства.

Кабинет опустел. Де Конн почувствовал голод и досаду. Он вышел из кабинета в задумчивости, медленно натягивая перчатки.

«В какое странное существо превратился этот князь», – размышлял он по пути вниз.

На выходе из личных покоев хозяина Дома с высоты парадной лестницы открывался прекрасный вид на вестибюль, переполненный воспитанниками. Шум возни. Шепот и шелест одежд, словно ропот грибного дождя, разлетался под высоким куполом замка. А там, над висевшим в объятии винтовой лестницы хрустальным фонарем, возился Макарка. Бесцветный, безропотный старый холоп Камышихи.

Сам фонарь а-ля Прованс являлся воплощенной любовью княгини! Изготовленный из особого хрусталя, он возвышался локтя на два в высоту и имел фаянсовое основание с росписью, позолоченные дуги и три фитиля. Чудо, что и говорить. Фонарь был дорог ее светлости, и Макарка вместе Тимошкой натирала и чистила его ежедневно и еженощно.

Вдруг маркиз услышал разговор, в котором чувствовались напряжение, беспокойство и даже страх. Говорящих он не видел, но слышал отчетливо. Как странно устроены стены в этом замке!

– Лучше не перечить им... все мы будем на второй половине! – шипел кто-то из-за проходного проема.

Де Конн неслышно сбежал со ступенек, свернул в сторону залы той части особняка, где века полтора назад располагался арсенал. Ныне он являлся классом фехтования и изящных искусств. Именно там, в проеме между двумя дубовыми дверями, маркиз оказался перед компанией из трех молодых людей – судя по серым кафтанам и отсутствию шпаг, младших воспитанников пансиона.

– Господа, – вмешался он, – извольте пояснить мне, о чем речь!

Все трое прервали разговор, обернулись и, узнав, кто перед ними стоит, совершенно смутились. Как представились молодые люди, первым был некий Туфля – несколько вялый отпрыск баронской семьи Тоэфелль, вторым – «Филля» Падючкин, а третьим – ярко-рыжий Павел Разуев. Лицо последнего казалось испуганным, но, опустив глаза, тот сказал, что они обсуждали задачи по математике.

– Сложный предмет, не так ли? – без всякого интереса спросил де Конн.

– Злая, вредная баба! – буркнул Разуев.

– Как теща! – прыснул Филля.

– Зато мудрая, – добавил маркиз, слегка растянув губы в подобие улыбки. – Позвольте мне откланяться, молодые люди, и прошу вас за разговорами не опаздывать на уроки.

Маркиз отошел от компании, но, как только Разуев отделился от своих друзей, неожиданно возник перед сконфузившимся воспитанником.

– Итак, господин Разуев, о чем у вас с приятелями был разговор? – темные глаза бурмиистра вперились в побледневшее лицо кадета.

– О чем?

– Это я спросил вас, о чем? Отвечайте, милейший.

Тот захлопал глазами:

– О математике.

– Полно, молодой человек! Ваша арифметика Магницкого может быть темой разговора только умалишенных! Никто не учит этому предмету на основании книг, написанных сто лет назад, ибо даже младенец знает ответы на их вопросы. О чем был разговор, любезный?

Ох, и настойчив же этот бурмиистр!

– Хм, мы говорили о старших, вломившихся в столовую, – промямлил Разуев. – Весь завтрак мне и Филле перевернули...

– Так, старшие кадеты нуждаются в уроке благочиния, – нахмурился маркиз. – Я переговорю с ректором этого заведения об их поведении.

Но Разуев воровато оглянулся и с дрожью в пальцах прошептал:

– Лучше не спрашивайте! Прошу вас! Мне завтрашняя шестнадцатая исполнится, и меня в ихнюю половину переводят.

– Куда переводят?

– На половину для старших, ваше сиятельство. Кадетский корпус делится на две половины. Первая – с шестнадцати и старше, вторая – для младших.

– Так вы переедете в новую комнату на старшей половине? – понял маркиз.

– Да, со всеми пожитками. Сами понимаете, не хотелось бы слишком уж под руку им лезть.

– Тяжко тут с подобными «переходами»?

– Кому как, ваше сиятельство. Вон один в их свите, Мишель Камонье, месяца два назад туда попал. С неделю лил слезы, но ничего не говорит.

– Вот оно что. Понимаю, любезный. Ну что ж, с днем рождения.

Маркиз взглядом проводил ссутулившуюся фигуру Разуева. Жизнь в мальчишеской части пансиона стала напоминать ему собственное детство. Ничего тяжкого с точки зрения зрелого человека, но каково в юности! Трагедия, что и говорить! Он усмехнулся, потрянул головой и направился в свой «кутежный» дворец.

Глава 7. Дворецкий Бакхманн

Октябрьский полдень угрюмо прятался за серыми тучами и, несмотря на настужь открытые гардины и трещающий веселым огнем камин, в приемном кабинете маркиза было довольно сумрачно. Личный секретарь князя Камышева господин Бугров вытянулся в струнку перед де Конном. Он неподвижно сидел на особом стуле для бритья. Вокруг него суетился очень небольшого роста молодой человек, личный бравобрей Доминик.

– У нас мало времени, – сказал де Конн, глянув на Бугрова. – Рапорты от приказчиков по содержанию конюшен и всего перевозочного состава, от карет до дрожек, я ожидаю к концу этой недели. Счета приходов и расходов за последние два года с наших мануфактур и отчет по закупкам материалов и сырья – послезавтра. Схемы деревень, ведомости об оброчных недоимках, падеже скота и прочих потерях жду к следующему понедельнику.

– Но, ваше сиятельство, сроки уж даже малые... – робко начал секретарь.

– А вы поднатужьтесь, уважаемый, – холодно отрезал бурмистр. – Мне понадобятся послужные и формулярные списки, отчеты и приложения к отчетам по нашим делам в заемном банке и опекунской казне, рапорты по аграрным делам, транспортным путям, включая состояние дорог и расходы на их починку, государственные ссуды на выплату прошлых долгов и кредиты на содержание почтовых служб. Все это я жду в течение двух недель.

– Но, ваше сиятельство...

– Я закончил, можете идти.

Следующим в кабинет вошел дворецкий Бакхманн. Склонившись в три погибели, он шевелился в углу, учтиво улыбаясь.

– Не помешал-с?

Маркиз с ответом не спешил. Он поблагодарил Доминика за полуденный туалет, встал, осмотрел себя в зеркале, погладил лицо рукой.

– Итак, уважаемый, расскажите-ка мне о пансионе, – безразлично произнес он.

– Что именно интересует ваше высокоблагородие-с?

– Как и откуда сюда поступают воспитанники, к примеру.

С этими словами де Конн устроился в кресле, закинул ноги на угол письменного стола и, не приглашая собеседника присесть, отвернулся. Тот понял, к чему. Сейчас маркизу хотелось бы знать больше того, что он уже знал, и от того, что скажет дворецкий, зависело и само расположение нового хозяина.

– Малая часть их, как бы это выразиться, отверженцы, – начал Бакхманн, сделав робкий шаг к столу.

– Отверженцы?

– Дети тех дворянских семей, в которых отец, будучи офицером, погиб, оставив вдову на приличной пенсии.

– Ах, вот оно что.

– Вдовы, ясное дело, недолго живут в одиночестве, – многозначительно хихикнул дворецкий и сделал еще один шагочек к столу бурмиистра, – а детки – лишь нажитое бремя. Вот, к примеру, Клим Павлович Тавельн, ныне секретарь молодой графини Алены. Сын генерала. Его матери было лишь восемнадцать, а отцу более пятидесяти, когда тот родился. Она просто ненавидела мужа, и как только тот отдал богу душу, тут же спровадила дочь в Смоленский, а сынка сюда... Поначалу даже присылала личного лакея – разузнать, жив ли Клим еще аль нет.

– Продолжайте.

– Или Алекс Викель, один из кадетов на выходе. Его мамочка, тоже генеральша, родила сынка, когда муж был в Дерптском полку уж более года. И знаете от кого? От троюродного братца, мальчишки шестнадцати лет!

– И вам об этом известно из «Санкт-Петербургских ведомостей»? – едко спросил маркиз.

– Ох, ваше высокоблагородие, у меня свои уши имеются. В Дом попадают, конечно, и выпавшие из гнезда. Дети развалившихся дворянских семей, в которых наследство передано только старшим по рождению. Однако большая часть питомцев – незаконнорожденные, но тем не менее из дворянских домов.

– Подкидыши? – уточнил маркиз.

– Не совсем-с, – замялся Бакхманн и, еще сильнее пригибаясь, скользнул ногой к столу бурмистра опять на полшажочка. Взор его никак не мог оторваться от вышитого золотом жилета хозяина. – Конечно, раньше, лет так пять назад, мы принимали просто подкидышей. Единственным требованием был лишь какой-нибудь, скажем, знак. Ну, перстень там или что-либо из одежды, но обязательно с дворянским гербом. Частенько детей привозили господские лакеи, люди высочайшего ихнего доверия. По этим знакам родители отличают своих детей и продолжают навещать... порой инкогнито.

– На салонных встречах, я полагаю?

– И на балах, что даются раз в месяц нашим блистательным князем.

– Ясно, – кивнул маркиз, – продолжайте.

– С некоторых пор детей начали подбрасывать холопы. Стянут у хозяев платочек с монограммой и несут своего ублюдка к нам. Мол, пушай растеть хоть и без родителей, так на свободе. Потому пришлось ввести некоторые ограничения.

– Какие?

– Теперь требуется доложить в пеленки доверительное письмо или деньги. Количество подкидышей тут же упало в числе! Как видите, мы заботимся о чистокровности наших обитальцев.

Вдруг бурмистр поднял перед собой правую руку, посмотрел на мизинец, странно усмехнулся и предложил дворецкому присесть. Что и говорить, Бакхманн был счастлив. Угодил! Чем, неизвестно, но угодил! От счастья он вертелся на стуле, трогая все, что нельзя было испачкать или разбить. Де Конн не без раздражения следил за гостем.

– Какой восхитительный ножик! – крутил Бакхманн очередную интересную вещичку. – Складной! Только гляньте, сколько рубинов на его рукояти! Ценный предметик. Для заточки карандашей?

– Это андалузская наваха, дитя испанского вида уличных драк.

– Ах да? И где же вы приобрели сей предмет?

– В Мадриде, – совершенно безучастно отвечал де Конн. – Она перешла ко мне от одного баратеро...

– Трудно-с, знаете ли, поверить, чтобы гишпанцы вот так дорогое оружие отдавали... – начал было смеяться надзиратель, с треском разворачивая нож.

– Да, вы правы. Но наваха была ему уже не нужна. Я отрубил мерзавцу руки.

Бакхманн стих и поднял глаза. Над головой бурмистра висел «Кошмар» безумного Фюзели. Наступила напряженная пауза. Наконец де Конн осчастливил дворецкого коротким взглядом.

– Сегодня вечером я ожидаю прибытия людей из моей свиты, – сказал он. – Гайдуки, лакеи и наложница. Для нее прошу распорядиться приготовить спальню рядом с моей, просторную, со всеми удобствами.

Бакхманн встал и с видом полного участия согнулся.

– Обязательно-с, ваше сиятельство, все будет так, как вы пожелаете-с. Я обо всем позабочусь... – зачистил Бакхманн, но маркиз ушел в свои мысли и лишь кивнул.

Дворецкий, шаркая и кланяясь, покинул кабинет. Оставшись один, де Конн вскочил на ноги и нетерпеливо прошелся перед столом. Вскоре вернулся Шарапа.

– Уважаемый, – сразу же обратился маркиз к своему гайдуку, – похоже, я знаю, где найти мою фамильную печать с бумажником, которые мы «потеряли» по дороге в Петербург.

Шарапа напрягся, как бойцовский пес в ожидании команды хозяина «Взять!»

– Сходите-ка в приют малюток пансиона и узнайте, кто и когда поступал туда с того самого дня, когда наш экипаж был ограблен разбойниками... С моими деньгами и фамильным перстнем... Скорее всего, рыжий. А если таковой найдется, я без труда узнаю, кто из жителей княжеских деревень отпускается на оброки в Петербург!

Глава 8. Приют малюток

Детинец, или приют малюток, располагался за домашней церковью Дома, рядом с банями и лазаретом.

– Давно вы здесь проживаете?

Этот вопрос Шарапа обратил к розовощекой, чуть полненькой цветущей девушке, прозванной Марфой, кормившей грудью рыжего мальчика. Кормилиц в детинце, где содержали только малюток, было всего три, так что найти рыжего малыша было делом легким.

– Кормилицей? – спросила она, одной рукой удерживая кормящегося, другой покачивая люльку с другой малюткой. – Первый раз. Муж мой у Рушюка погиб, так я вонна здесь пристроилась пока кормилицей, заодно и воду с озера в Дом ношу.

– Мальчик? – Шарапа кивнул на рыжую голову и улыбнулся. – Не слишком ли большой для кормления грудью?

– Что вы, мужики, в том понимаете? – насупилась Марфа. – Молозивом я кормлю его, не молоком. Моей тоже уж больше года, а все к груди прикладываю.

– Ах, верно, – как можно тише сказал Шарапа, – не болел чтобы. Так?

– Ну, шо-то вроде того.

– А долго ли вы кормите его? – спросил Шарапа, не отрывая взгляда от младенческих губ, впившихся в пышную грудь.

– С неделю, – ответила та, задумалась и утвердительно кивнула головой. – Да. Осьмой день нынча. Подкидыш он. Но семейства, видно, знатного. С деньгами явился и перстнем фамильным. Мы ему вон на шейку повесили...

– Взглянуть можно?

Кормилица вытянула из-под рубашечки ребенка пеньковую веревочку, на конце которой болтался серебряный перстень с тонкой червленой резьбой, увенчанный камнем насыщенного зеленого цвета. По ободу перстня извивался дракон, хватаящий себя за хвост.

– Смарагд никак чистейший, – сказала женщина. – Перстень-то старый, родовой: вон, смотрите, трещинки на камне и даже шо-то начертано на изворотной стороне. Ух, интересно посмотреть на папашу его!

– Это почему?

– Так рыжий ведь!

Оба рассмеялись.

– А кто проверяет принадлежность ребенка к роду? – поинтересовался Шарапа.

– Да никто! Раз родители себя называть не желают, то и здесь никому интереса нет. Кто ж проверять будет? – она кивнула на кроватку рыжего постояльца. – Перстень при нем остается, к нему еще и номерок из реестра выдается. На случай переезда или ежели погибнет.

– Погибнет?

– Бывает, погибают, – Марфа смущенно улыбнулась. – Врача нашего Петра Георгиевича во всяких младенческих смертях обвиняют, мол, он-де младенцев в своей лаборатории на жир вытапливает.

– Это зачем?

– Ну как зачем? Для мазей шабашных, – кормилица засмеялась, обнажив крепкие белые зубы. – Он со всякими ядами мази готовит: то для кожных болезней, то для ревматизму. Ну, ясное дело, все нападки на него. А еще утверждают, что живет у него в одной из склянок бес, который помогает излечивать труднобольных.

– Темная слава у вашего доктора, – улыбнулся Шарапа.

– Трудно ему здесь. Порой ночами не спит. Нам его окна отсюда видны. Все читает и читает.

Шарапа оскалится как можно более дружелюбно, едва сдерживая радость от найденного перстня хозяина. Ох, дотянется он до того рыжего карабинера с большой дороги!

Глава 9. Знакомства

Обед в Доме князя Камышева был необычным. Во-первых, он проходил не в столовой, а в большой зале для танцев. Во-вторых, в нем участвовали новые лица. На них-то и было сведено все внимание владык Дома и их друзей.

Первым из приглашенных к обеду явился маркиз де Конн. Гость был необычен, этим и привлекателен. По выправке человек значительного положения, чья шея привыкла к высокому воротнику. Возраст не определить, так как неподвижное лицо его не отягощалось морщинами. Широкий, подтянутый, жилистый и силен. От рождения смуглое лицо, челюсть широкая, со слегка выступающей нижней губой, переходившей в почти квадратный подбородок. На этом прочном основании возвышался высокий широкий лоб, переливающийся в прямой нос. Под изогнутыми густыми бровями – черные глаза, но со столь странным зеленоватым отсветом, что казались цепкими и неземными. Он выглядел бы грозным и жестким, если бы не губы – небольшие, но полные и ярко очерченные. Благодаря выдающемуся подбородку с глубокой ямкой сластолюбца, маркиз казался дамской части очень мужественным, чего как раз и не хватало в среде местных недорослей. Одежда гостя была и проста, и богата одновременно. Темно-бордовая с золотой расшивкой испанская а-ля франкеса, жилет из лионской парчи, белые кружева и золотая брошь с загадочно-черным камнем. Вместо парика его крупное лицо обрамляли собственные, густые, иссиня-черные волосы без буклей, собранные на затылке в бантик классического образца.

Спутник гостя, поистине гигант, хорошо одетый, но простой в манерах, представлял из себя особо выделяющийся объект. По возрасту не более тридцати, с огромными живыми карими глазами, массивной шеей и развитыми плечами, он напоминал орловского рысака, буйного и необузданного. «Скакун» без всякой застенчивости осматривал дамскую половину. Тех это ничуть не смущало, кроме разве что гувернанток. Острое лицо гиганта напрягалось в ответ на более чем любопытные взгляды девушек, сосредоточившихся на его длинных мускулистых ногах, столь прекрасно сочетавшихся с белыми шелковыми чулками, замшевыми кальсонами, плотно облегавшими бедра, и всем остальным, что заметно выдавалось выше названного. То был Шарапа, гайдук маркиза и его верный спутник.

Графиня Алена, окруженная свояченицами и молодыми обожателями, расположилась у правой стены подле веранды. Она единственная сидела в зале, громко говорила, шутила и похозяйски всех оглядывала. По слухам, веселый характер девицы только добавлял масла в огонь юношеских сердец. Да и кого мог оставить равнодушным этот струящийся соловьиной песней голосок, глаза цвета безоблачного неба, свежее круглое личико и улыбка, мимолетная, зовущая?

Лакеи суетились с подносами, дворовые носились по зале, устанавливая столы, стулья, подносы и канделябры. По-видимому, готовилось нечто грандиозное.

Первым, до появления княжеской четы, маркизу представили графа Луку Михайловича Саблинского, председателя местной дворянской управы и следственного пристава. Высокий, белокурый, в гвардейском вицмундире, он выделялся элегантною истинно русского дворянина. Но особенно Лука Михайлович славился тем, что нес слухи впереди планеты всей. Вот и сейчас его глаза озорно прищурились.

– Рад вашему приезду, Авад Шаклович, – обратился он к гостю по-французски, – премного рад встретиться с самим управляющим его светлости. Одного не понимаю, почему вы решили остановиться здесь? Не лучше было бы распорядиться делами его светлости в столице?

– В первые месяцы я решил поближе познакомиться с окружением князя, его семьей и здешним укладом жизни, – ответил тот на русском языке, слегка подправив улыбкой холодную мину.

– Вы прекрасно говорите по-русски! – искренне удивился граф. – А мне доложили, что вы прибыли в Петербург всего лишь пару недель назад.

– Да, но я пробыл в дороге из Южной Америки более шести месяцев, – рассмеялся маркиз, – чего вполне бы хватило на изучение любого языка. К тому же я четыре года жил в Петербурге в конце прошлого столетия. Учился в медицинской академии, после чего стал управляющим князьевым имуществом за границей, но в его Доме так толком и не побывал.

– О, тогда с возвращением вас, маркиз! – граф крепко похлопал гостя по плечу и потер руки. – Весьма своевременно!

По шустрым глазам графа Саблинского стало ясно, что именно тот имел в виду. Князь Камышев уже одной ногой в ином мире, а свое состояние он не желал оставлять в полное распоряжение ни Камышихе, ни Алене – как он говорил, «двум глупым бабам».

Граф взял собеседника под локоть, наклонился к самому уху и вполголоса произнес:

– Учитывая напряженность в европейских королевствах, ваше умение сохранять собственность князя за рубежом в полной неприкосновенности достойно всяческих похвал. Однако у Аркадия Дмитриевича нет ни прямых, ни нисходящих, ни каких бы там ни было боковых наследников. Он лишил права наследия всех и, говорят, готовится объявить избранником либо совсем постороннее лицо, либо наследника из незаконнорожденных сыновей.

– А таковые имеются?

– Разумеется! Поговаривают, – граф перешел на шепот, – что некоторые из них находятся здесь инкогнито. Ждут оглашения завещания, – де Конн понимающе кивнул головой. – Скажу более, финансы его светлости не так уж крепки, и, ежели не взяться за них со всей сурьезностью, его земли в некоторых губерниях пойдут с молотка в уплату долгов.

– Ах, вот как!

Саблинский цокнул языком.

– А вы знаете, что у князя внучка на выданье? Алена. Сирота и бесприданница. Правда, именно ей принадлежит единственное приличное развлечение в сей деревне. Салон!

– Что за салон?

– Пустая возня барчуков! От нечего делать. Хотя бывают там и серьезные лица. Занимаются гаданием, болтовней и обсуждением новостей.

– Вы там были?

– Я, знаете ли, иногда поглядываю, – замялся Лука Михайлович. – Ничего предосудительного... Жена князя изо всех сил пытается выпихнуть бедняжку из Дома и сватает ее всем, кто подвернется.

– Не родня? – де Конн глянул в сторону молодой графини.

– Купчиха? Нет, не родня. Князь овдовел лет так двадцать назад. Ах, это целая история, ваша милость! Он много путешествовал и остановился здесь... когда же?... в начале восьмидесятых прошлого века. Говорили, что дети Аркадия Дмитриевича, кроме матери Алены, умирали в раннем возрасте. Единственная дочь Валерия вышла замуж за откровенного кутилу, графа Димитрова. Да еще как вышла! Без согласия на то родителей! Приданое ей князь выдал, но в наследстве потомкам отказал.

– Аркадий Дмитриевич удостоил дочь наследства?

– Понимаю ваше удивление! – Саблинский огляделся и потянул маркиза к пустому углу за портьерами: он был рад посудачить о жизни других людей. – Как я слышал, тот самый граф Димитров был знаком с князем до женитьбы.

– Вот оно что... – маркиз снова глянул в сторону Алены.

– Да, говорят, что князь собственно путешествовал с графом, после чего тот, встретив его дочь, так сказать, неожиданно женился.

– Понимаю.

– Но Валерия скончалась лет двенадцать назад. Да, в девяносто девятом. Скверный был год! После царствования здесь графа Димитрова долги, даже за дом в Петербурге, пришлось гасить старому князю. Знаю, плохо говорить о мертвецах...

– Димитров тоже умер?

– Шесть лет назад. Причиной смерти подозревали отравление, но никаких доказательств не нашли, а посему дело осталось открытым.

– Отравление, вы сказали?

Тут Лука Михайлович сотворил на лице значительную мину, воровато оглянулся и склонился над ухом маркиза.

– Он лысел и терял вес, сильно менялся в настроениях...

– Так, то ж не отравление, а...

Граф сжал локоть маркиза, давая понять, что он не закончил изложение фактов. Де Конн понятливо замолк.

– Ясное дело, граф умер от сифилиса, но каково было бы его семье узнать об этом? Я уже не говорю об обществе...

– Ну да, естественно... – маркиз вытянул нижнюю челюсть так, что по его лицу пробежали глубокие вертикальные складки. – Кто еще знает об этом?

– Только врач, князь, я и вы... Как управляющему имением князя, полагаю, вам нужно знать о жизни хозяев.

– Очень признателен. У князя есть общие дети с нынешней женой?

– Нет. Так что будьте настороже, Авад Шаклович, эта купчиха вам неполноценный товар попытается впихнуть. Хотя Алена недурна, очень даже недурна. Но деревня, мой друг! Тоска, дикие нравы и суеверия!

– Суеверия?

– И какие! Здесь верят в заложных покойников и всякую навь и, представьте себе, обвешивают потолки чесноком! Такая вонь!

Оба негромко засмеялись.

На стороне молодой графини начинало зарождаться беспокойство.

– Похоже, наша вольная жизнь подходит к концу, – произнесла одна из подружек Алены, графиня Хилкова, тучная дева в широком платье из муслина. – Они явно говорят о вас, сударыня, маркиз трижды бросил взгляд в вашу сторону.

Лицо Алены помрачнело. Она поднялась и через зал направилась прямо к гостю. Те замолкли и выпрямились. Граф Саблинский представил гостя молодой хозяйке.

– Маркиз, – улыбнулась та, делая реверанс, – ваше сиятельство.

Де Конн поклонился.

– Мадемуазель... – томно протянул он с искренностью художника, увидевшего пред собой статую богини. Жестом, достойным особы королевской крови, коснулся губами пальчиков ее протянутой руки, произнес несколько восхищенных фраз на французском и добавил по-русски: – Весьма польщен! Ничего сверх нормы установленного поведения, деликатно и неизмеримо тонко. Алена порозовела и приняла предложение маркиза взять его под руку.

– Надолго ли вы к нам, Авад Шаклович?

– Это зависит от здоровья князя Камышева, сударыня, – при этих словах Алена опустила голову: значит, гость был поверенным деда. – Простите, если я вас огорчил.

– О нет, что вы! – девушка грустно улыбнулась.

Как она поняла, маркиз извинялся, что ранил ее чувства, напомнив о печальном состоянии дедушки. Несмотря на то, что огорчало ее нечто иное, графиня приняла вид монашеского повиновения немилосердной судьбе:

– Все мы подвластны воле божьей!

– Как вы правы, сударыня! – отозвался де Конн, странно ухмыльнувшись. – Но я слышал о салоне, который ваша милость содержит. Вас не давит печаль!

– Не желаете ли вы посетить его? – тут же оживилась графиня. – Салон собирается вечерами по пятницам. Я буду очень рада вашему согласию.

– Обязательно побываю, но не на этой неделе, – на мгновение что-то странное вспыхнуло в непроницаемых глазах гостя. – Увы, служба князю накладывает на мои обязанности печать послушания. Я должен немедля взяться за его дела.

Молодая графиня участливо склонила головку. Ей надо было поразмыслить со своей компанией о том, в каком русле развивать отношения с бурмистром дальше.

– Тогда завтра после полудня мой секретарь познакомит вас с условиями, – промолвила она.

– «Условиями»? – остоленел де Конн, но Алена уже растворилась в толпе воздыхателей.

В зале появились супруги Камышевы, и после представления новых лиц всех гостей пригласили к обеду. Еды и разговоров было вдоволь. Соседство маркизу составил некто Владимир Касимович Брехтов, презабавный молодой человек, начинающий судебный следователь от канцелярии графа Саблинского. Судя по лихо закрученным усам, бывший военный. С другой стороны сидел племянник Камышихи Михаил Николаевич Савин. Симпатичный, средних лет, выбритый до синевы приземистый человек, юркий и постоянно чего-то нервно ожидающий. Напротив устроился Яков Оркхеим. Он бросал взгляды на бурмистра редко, но прицельно.

– Не видели ли вы господина Спиридонова? – спросил Оркхеима сосед, некий Паскин, учитель арифметики.

– Нет, сударь, не видел, – нехотя отвечал тот. – Да и как же мне видеть вашего башмачника, ежели у меня туфли новые?

Оркхеим намекал на бедность учителя. Тот много пил и, как многие предполагали, пытался продать вещички своей тещи через того самого Спиридонова.

Рядом с ними вели затейливый разговор господина Небрасов, учитель музыки, и Башкин, учитель богословия, иезуит.

Вдруг до слуха маркиза донесся знакомый голос:

– Именно ритуалы являются важной частью религиозной общины, ибо они утверждают древность и наследие от великих культур. Ритуалы должны порождать восхищение и единство среди своих избранников, преданность среди новичков и крепкие устои среди магистров. Избранность, необычность, безделье и скука – вот двигатели современного тайного общества!

Это был тот самый Иван Антонович Наумов, который встретил маркиза прошлой ночью. В экстравагантных кружевах, с замотанной батистовым платком аж до самого подбородка шеей и пышной прической со слегка завитыми локонами. Господин Башкин при сих словах сдержанно крикнул. Судя по всему, камни бросали и в его огород.

– Довольно легко создать секту в месте, где образование – лишь удел монахов, – во весь голос вещал учитель истории, – достаточно разыскать пару папирусов или табличек в пустыне Аравии и потрясти ими перед толпой не умеющих прочитать даже собственное имя рыцарей. Пусть находка эта относится к записям какого-нибудь собирателя налогов или жалобе бессребреника на своего удачливого соседа. Главное, они древние! Их место будет очищено на новом алтаре, и магистр позаботится о том, чтобы в присутствии неграмотной толпы совершались чудеса. А дальше – проще. Когда из черни образовывается группа фанатиков, эти «скрижали» более недоступны для обозрения тем, кто приходит вновь, и только копии открыты для публики. Вот тут-то и рождается новая «религия»! Ее основатели пишут все заново, устанавливают ритуалы, мифы, историю... и все в виде «переводов». Далее они создают учение, и древние письмены уходят в историю. Они либо пропадают, либо уничтожаются в каком-нибудь катаклизме. В любом случае, к тому времени, когда в секте найдется один более-менее гра-

мотный человек, способный раскрыть подлог «древнего послания», сама древность останется лишь в копиях и переводах отцов-основателей... Вот и все!

Одобрительные возгласы. С чего начинался разговор, де Конну так и не удалось узнать, но, очевидно, он шел о новых религиозных течениях, ставших столь популярными с развитием печальных событий в Европе.

После холодных закусок и дюжины увлекательных бесед с соседями маркиз присмотрелся к остальным присутствующим. Рядом с Саблинским – инспектор классов и учитель литературы Восков в компании юного купца Пульина. Они беседовали о торговле и займе денег. Далее – врач Дома Тильков. Он рассказывал сидевшему рядышком Богомольскому о пряностях и водке, крутя в руке небольшой памфлет о настойках. В прошлом квартирмейстер, а ныне воспитатель мальчиков, Богомольский был близорук, ничего рассмотреть не мог, но тщательно скрывал сей недостаток, морща лоб и поддакивая. Врач, человек с выразительно грубыми чертами лица, лысоватый и коренастый, обладал речью быстрой и безостановочной, как скороговорка, чем весьма отталкивал окружающих, ибо те его не понимали.

– А что за вода такая, любезный Авад Шаклович, о которой вас расспрашивал купец Пульин? – отвлек де Конна неожиданный вопрос следователя Брехтова. – Он ею так заинтересован.

– Аква Мираблес, – устало отозвался маркиз. – По существу, это очень хитрая настойка из трав, бергамота или цедры. Прекрасные духи, но полезна при головных болях и иных недугах...

– Видимо, купец подыскивает новый товар, – Брехтов состроил шутовскую мину. – Самто ныне занимается собиранием произведений искусств. Говорили, он на коленях вымаливал у старого князя продать ему ту мозаику с собакой, что экспонирована в вестибюле.

– Cave canem? Мозаика той собаки не более чем подделка.

– Да? Странно... Год назад Пульин привозил некоего знатока и тот подтвердил подлинность оной.

В ответ маркиз лишь приподнял брови, но молодой следователь отставать не желал.

– Спокойно ли вам ехалось сюда? – продолжал расспрашивать он. – Слышал я, вы прибыли ночью. Очень тревожно здесь в темное время суток.

– О чем вы?

– О разбойниках и волках...

– И волках?!!

– Зверье здесь особенно лютует! – вдруг присоединился к разговору дворецкий Бакхманн. Он стоял позади бурмистра, наблюдая за работой лакеев. – Первые нападения произошли лет так пятнадцать назад. Пропадает люд, крестьяне, особенно зимой, а у деревень к оттепели находим обглоданные скелеты. Я лично отправлял приказчиков по деревням, чтобы удостовериться в произошедшем. Ужасное зрелище!

– Как же вы определяете, кем именно был несчастный, если, насколько я понимаю, к весне волки растаскивали жертву по всему лесу? – спросил маркиз.

– По остаткам одежд... Мы построили палисадник, но к зиме эти твари становятся злее и нападают с нещадной жестокостью.

– Представьте мне список всех погибших по деревням за последние десять лет, – вздохнул де Конн. – А на скот волки нападают?

– Постоянно! Раньше здесь содержались обширные псарни, но, увы, их закрыли за неимением средств на содержание, да и никто ни охотой, ни травлей ныне не занимается.

Маркиз ненадолго призадумался.

– Знаете что, Владимир Касимович, – наконец он обратился к следователю Брехтову, – охота мне прокатиться по деревням князя и поспрашивать о волках, о характере их нападений. Может, можно будет изучить повадки зверя и найти способ защититься.

– Ради бога, ваша милость! – отозвался с другого конца стола граф Саблинский. – Но не лучше было бы истребить всех этих бестий?

– Посмотрим, граф. Не составит ли господин следователь мне компанию? – маркиз глянул на Брехтова. – Скажем, послезавтра, в четверг с утра? Беру на себя все приготовления к поездке.

– Ну, раз так, почему бы и нет? – ответил тот без всякого энтузиазма. Его день был испорчен.

После обеда к маркизу, как и обещала Алена, явился ее секретарь с письменным прибором и небольшой тетрадь в руках. Клим Павлович Тавельн. Вида он всегда был напыщенного и столь важного, что ему можно было бы отвести место секретаря Коммерц-коллегии.

Тавельн устроился за маленьким письменным столом библиотеки. Де Конн по традиции оказывал гостю как представителю молодой хозяйки самый теплый прием. Он присел напротив и обратился в слух. Клим Павлович скрупулезно готовился к зачитыванию правил приема в салон и поднял голову лишь на десятой минуте.

– Происхождение? – резко выпалил он.

– Простите? – растерянно переспросил маркиз.

– Где родились, спрашиваю? – грубо отозвался секретарь.

– Место моего рождения, увы, для меня загадка.

– Вам есть шестнадцать лет?

– Есть.

– Есть ли братья, сестры? – поморщился секретарь.

– Есть... – маркиз не уточнил свой ответ даже после долгого взгляда Тавельна. Из упрямства и недовольства обхождением.

– Ладно, – усмехнулся тот и обратился к тетради. – Кем были до службы у князя Камышева?

– Медиком. Учился в медицинской академии, в Петербурге.

– Ну что ж... – скрип пера и перевернутая страница. – Ответьте, будет ли верным утверждение в том, что большинство болезней происходит от нервного расстройства?

Де Конн не ожидал подобного вопроса и как-то недоуменно переспросил:

– А кому принадлежит сие утверждение?

Вместо ответа секретарь чиркнул что-то в тетради.

– Верно ли утверждение, что употребление красного вина полезно при поедании мяса?

Бурмистр попытался понять направленность вопросов и их отношение к участию в жизни салона графини Алены.

– Смотря в каком количестве... – холодно произнес он.

Снова резкий росчерк пера и перевернутая страница.

– А правда ли, что худой кажется выше толстого?

– Это зависит от пропорции головы к телу.

Пауза. Жесткий взгляд секретаря.

– Я спрашиваю «Правда ли?», а вы отвечайте «да» или «нет»!

– Это спорный вопрос, – сохраняя спокойствие, ответил де Конн, но Шарапе уже виделось, как хозяин приказывает ему привязать барчука к скамье, содрать штаны и подать трехвостку.

– Ну, тогда закончим с утверждениями, – с полным отсутствием симпатии отозвался секретарь. – А что будет при вашем мнении лучше для больного астмой? Горный воздух или морской?

– Чистый, теплый и влажный.

Секретарь помолчал несколько секунд, быстро выводя что-то в своей тетради.

– Обнаженные статуи богов античности, по-вашему, олицетворение невинности или разврата?

Маркиз вздохнул.

– Если учесть то, что большинство обнаженных скульптур располагалось не в храмах, а в частных домах, а значит, натурщиками были, скорее всего, хозяева или их любовники, то ответ напрашивается сам собой.

Замысловатые ответы бурмистра заставили секретаря задуматься. Через минуту он тряхнул головой.

– Салон у нас не «светский» и потому предназначен не для чирикания, а для умствования, – неожиданно резко выпалил он. – В нем нет места пошлым анекдотам, двусмысленным сказкам, извращенным вкусам, смысловым пряностям, скабрёзностям и вольностям.

Де Конн согласно кивнул, скорее из приличия, нежели из осмысления сказанного.

– Чинность и благопристойность не должны нарушаться даже в самых темных уголках салона, – продолжал секретарь и, заметив приподнявшиеся брови маркиза, уточнил: – Салон наш открыт допоздна, и расходятся его участники только с теми, кто живет в одной с ним или с ней половине.

– Ох, никаких парочек?

– Да-с! Ее светлости не нужны «салонные таланты», но дикость и незнание правил общения не приветствуются... Надеюсь, вы приучены к правилам поведения, как то: вести беседу за столом, крутить вальсы с дамами и подавать им при выходе пальто?

Было ли последнее вопросом или издевкой, де Конна не интересовало.

– Сударь, я в полной мере обладаю всеми необходимыми манерами и физическими навыками, как то: ходить, стоять, сидеть и танцевать, – холодно ответил он. – Вот разве что кланяться... Очевидный недостаток в сем упражнении имею.

Секретарь встал. Он был на голову ниже де Конна, но его горделиво-напыщенная осанка с легкостью покрывала сей изъян.

– Я закончил мое с вами ознакомление. О результатах вам сообщат позднее. Думаю, графине будет приятно, если вы окажете ей визит перед тем, как появитесь в салоне.

– Разумеется, я дам ей знать.

Маркиз слегка склонил голову и, выйдя в приемную, проводил секретаря до лестницы. Без слов и лишних жестов – по привычке светской этики.

«Что же за салон такой, ежели за право там быть надо ответить на дюжину глупых вопросов?»

Но это забавляло! Конечно, следовало выпороть спесивого барчука, но необходимость быть ближе к графине пока удерживала бурмистра от расправы над наглецом.

– Хозяин, вам не кажется, что поведение этого мальчишки заслуживает хорошей порки или дуэли? – не выдержал Шарапа.

– Вы правильно заметили, – качнул головой маркиз, – но причину его поведения нам надо искать в среде более взрослых людей, скажем, лет сорока и старше.

Взглянув на вытянувшееся лицо гайдука, маркиз усмехнулся:

– Видите ли, то, что молодой человек продемонстрировал, можно назвать изысканным хамством, поведением очень модным лет этак двадцать назад во Франции, после их кровавой революции.

– Так это чья-то школа!

– Да. К тому же наш Тавельн – один из тех двух, кто оказался на месте убийства Мартына Подольского, и мне надо прощупать его сны, а заодно и проучить. Подготовьте к ночи алтарь, – де Конн сладко потянулся. – Что-нибудь еще?

Шарапа кашлянул и достал из кармана жилета сложенный лист плотной бумаги.

– Я побывал в доме малюток и выяснил, что неделю назад туда поступил малец трех месяцев от роду. Подкидыш с деньгами и вашим фамильным перстнем. Рыжий...

– Ха! – маркиз щелкнул пальцами. – Мы поймали его!

– И еще кое-что, – Шарапа довольно оскалился. – Марфа, кормилица подкидыша, передала мне перечень тех, кто в том доме вскармливался. Взгляните.

После внимательного просмотра списка маркиз поднял брови.

– Занятно! – произнес он. – Очень занятно! Господа Наумов, Оркхеим и Тавельн в этом списке тоже присутствуют. Их кормилицей была некая Супонина... А я-то думал, что они сюда уже подросшими поступили.

Шарапа довольно добавил:

– И, по свидетельствам, они все в разных местах родились...

Глава 10. Пелагея

Утром следующего дня дворецкий Бакхманн был приглашен на завтрак к господину бурмистру. Прием был и дружественный, и деловой одновременно. За столом им компанию составляла юная девушка, большеглазая, смуглая и восхитительная. То ли гречанка, то ли итальянка. Наложницу маркиза звали Мариам. Стройная, даже хрупкая, но богато одетая, она изредка поднимала глаза на своего господина, когда ее просили выбрать блюдо. Она будто спрашивала его разрешения ответить, не произнеся от себя ни слова на протяжении всего завтрака.

Вдоль стола возвышалась стена из пяти лакеев и еще двух гайдуков маркиза, Кабезы и Барыги. Все прибыли прошлой ночью. Такие же огромные и безмолвные, как Шарапа, они внушали шемящую тоску сердцу Бакхманна, подобную той, что испытывает безнадежно заблудившийся в дремучем лесу ребенок. Хотя личный секретарь маркиза Охос и брадобрей Доминик приятно разбавляли это впечатление своим тщедушным видом.

Краснолицый, грузный, уже вспотевший дворецкий, рассеянно покачивая моноклем, расспрашивал хозяина о том, как нравится ему новая челядь, следует ли перенести кухню во дворец, нанять ли побольше слуг для конюшни. Маркиз добродушно удивлялся тому, как здешние помещики любят разводить не в меру большие дворы. Он считал, что чем меньше слуг, тем проще навести порядок... Бакхманн сильно не спорил: он знал, как понравиться хозяину.

Последняя часть завтрака прошла под музыку в стиле аллегро в сопровождении маленького крепостного оркестра, состоявшего из гитары, гобоя, двух скрипок и виолончели. Были еще литавры с трещотками, но маркиз попросил их не играть.

По окончании завтрака де Конн, приказав принести кофе в библиотеку, удалился с наложницей в верхние покои. Дворецкий решил дожидаться слуг в людской маркизова дома. Скрестив руки на груди, он после десяти минут ожидания гневно раздувал ноздри, поскольку очень серьезно относился к работе дворовых.

– Барин кофею в библиотеку просил принести, – злобно начал он. – Полчаса назад, а вы, холопы, где-то шляетесь!

Он не ждал ответа, а требовал действий. Кухарка Катя засуетилась с чашками, блюдцами и ложками. Камердинер Митрофан скомандовал сенной девке Пелагее закипятить воду, а сам поспешил в погреб за перемолотым кофе и вареньями.

– Нахлебники, – продолжал дворецкий, наблюдая за бегающим людом, – привыкли на сундюках валяться, лясы точить да ждать, когда хозяин хлеба подаст. Душонки сыромязные. Я вам устрою отдых!

Так, под рычание Бакхманна, тумачи и пинки дворня маркиза собрала кофейный сервиз. Все, что требовалось, заварили, разложили, расставили. Катя прихватила тяжелый серебряный поднос и мелкими шажками побежала было к хозяйским комнатам, но надзиратель остановил ее.

– Малаяй пойдешь, – жестко произнес он, кивнув на Пелагею.

– Так ручонки у нее некрепкие еще, – начала было защищать девчонку Катя, – поднос один только в два пуда...

Дворецкий вставил монокль в глаз, злобно сверкнул им на дворовых, хмыкнул и подошел к Пелагее. Красоту девушки портило безликое английское серое шерстяное платье с белым фартучком, а пышные русые волосы прикрывала невзрачная сеточка.

– Это вам, старым паршивым дворовым тварям, надо знать, как поднос в руках удерживать, а молодой лапочке с бесподобной фигуркой достаточно правильно удерживать в руках то, что принадлежит ее хозяину.

С этими словами Бакхманн опрокинул голову и от души расхохотался. Пелагея покраснела. Катя отвернулась и закрыла глаза. Митрофан с тоской сглотнул, но прикусил губу.

– Девочка же совсем, – просяще произнесла Катя. – Зачем ей к барину идти? Что он с ней сделает-то? Поиграется, и только. А у них вон и так наложница молодая имеется...

– Молчать, паскюдь! – рявкнул Бакхманн. Он терял хорошее расположение духа.

– Насколько я знаю, одинокие волки, вроде вашего хозяина, обладают известной ненасытностью в отношении к удовольствиям с такими вот курочками, – с этими словами дворецкий сдернул сеточку с волос Пелагеи, сорвал фартучек и стянул рукава с плеч. – Ты, ненаглядная, кофей барину носи и не вякай, ежели он еще и потискать тебя пожелает. А ежели вякнешь, то я к его плетям приложу еще двадцать палок. Собственноручно... Нью-ню, не бойся, – удовлетворенно добавил он, видя на лице девочки испуганное послушание. – Иди. Барин тебя оценит.

Пелагею пихнули к дверям. Под хохот Бакхманна и жалкие взоры Митрофана с Катей та, еле удерживая поднос, направилась к барским покоям. Поднялась по лестнице, ужасаясь тому, как пронзительно стучала чашечка на расписном блюде. Чашечка была пуста, оттого, видно, и тряслась. Ливрейный лакей, окинув ее странным взором, буркнул: «Его сиятельство в библиотеке», отворил и неслышно закрыл за ней массивную дверь. В библиотеке? Девочка постояла в полумраке проходной залы. Что-то волнение стало подкрадываться к горлу, а там и в животе как-то нехорошо становилось. Муторно. Прошла вперед к свету ламп. Приемная кабинета. Снова открытая лакеем в ливрее дверь. Вот и проходная из приемной в библиотеку. Надо бы идти, а страшно. Очередная дверь с лакеем. Она пыталась заглянуть им в глаза. По ним-то многое о хозяине сказать можно. Одежда, манеры... Высоченные! Она прошла в открытую дверь библиотеки и застыла. Дверь за ней медленно затворилась. У входа возвышалось каменное изваяние Шарапы.

– Вот кофейку, барин просили, – пролепетала Пелагея и присела в книксене, оглядываясь на гиганта. – Прощите.

– Замечательно, на столик кофейный поставьте, – откликнулся маркиз де Конн откуда-то издалика.

Он был занят, сидел в самом углу перед маленьким английским письменным столом между книжными шкапами, низко склонившись над какой-то книгой.

На «кофейный столик»? Пелагея растерянно осмотрелась. Библиотека была огромна и настолько плотно уставлена всевозможными, еще не разобранными сундуками, ящиками и коробами, что столик, какой бы он там ни был, с высоты ее глаз увидеть не представлялось возможности. Пелагея заволновалась. Поднос быстро тяжелел. Чашечка предательски затряслась.

– Столик здесь, рядом со мной, – донеслось из маркизова угла.

Ах, ну да, там, по левую сторону от него, возвышался довольно низенький, на кривых ножках резной столик с мраморной столешницей. Ко всему прочему эту столешницу окружал невысокий бордюру, так что он был явно сделан для сидящих людей, и поставить на него поднос из стоячего положения человеку необученному без грохота было задачей невыполнимой. Барин, как и ожидалось, на шум поднял голову и устремил взгляд в сторону девочки. Пелагея, прошептав слова укоризны в адрес кривоногого недруга, примерзла к полу. Де Конн оторопел. Приоткрыв рот, он развернулся на круглом табурете, осмотрел ее с ног до головы и смущенно спросил.

– Разве к этому платию фартук не положен?

– Положен, ваше... – Пелагея пыталась вспомнить, как их наставлял Шарапа об обращении к хозяину, – ваша... ваше...

– Ну и что с ним случилось?

Голос маркиза приобретал нотки раздражительности. Пелагея была готова заплакать, уже представляя как порку от барина, так и палки от дворецкого.

– Господин Бакхманн изволили снять. Сказали, шо так, вот в этаком виде, барин меня больше оценит.

– Вот как? – взгляд маркиза начал меняться, сначала побродив по кофейному сервизу, перешел на плечи молодухи, опустил на грудь, а потом как-то ушел в себя. – Что еще они «изволили» сказать?

– Шо мне надобно правильно удерживать в руках то, шо принадлежит вашей... – она опять запнулась на обращении к хозяину, – вашему... вашей... чести.

Слово «чести» печально повисло в воздухе. Маркиз, казалось, перестал дышать. Брови его поползли вверх, глаза остекленели, а вскинутая рука ухватилась за лицо так, будто хозяйина сразила зубная боль. Пелагея съжилась. О чем, собственно, шла речь, она не понимала, но, как ей верно показалось, это было принято хозяином не совсем весело.

– Сколько вам лет? – неожиданно спросил он.

– Пять... нать... цать... будет...

– Пелагея, так вас зовут?

– Да, ваша честь.

– Я, конечно, ценю ваше внимание ко мне, Пелагея... – кровь наконец стала возвращаться к лицу маркиза. Он вздохнул. – Очень ценю и заботу господина Бакхманна о моем... о моей чести, которую он так самоотверженно послал вас удерживать в ваших руках... Вы можете идти и, пожалуйста, более не снимайте фартук, пока этого не пожелаю я лично.

С уходом Пелагеи де Конн раздраженно обратился к Шарапе:

– Прошу вас, объясните-ка господину дворецкому, что я не интересуюсь любовными приключениями со своими слугами и горничными. В общих чертах разьясните ему мое предпочтение не сношать все, что движется и дышит, включая крупных и мелких животных, рогатый и безрогий скот. Добавьте еще, что я не совокупаюсь с трупами, вояжными дамами, детьми и монахами!

Глава 11. Озеро

Кабеза, один из старейших гайдуков маркиза и телохранитель его наложницы, принимать ванны не любил. Он предпочитал купание пусть и в холодной воде, но в большом водоеме. Именно таковой он и нашел в нескольких верстах от Дома. Озерцо. Чисто, безлюдно.

Воскресный день. Морозец. Кабеза был гол и счастлив, по грудь погруженный в студеную воду. Огромный, с рыжей копной вьющийся волос на крупной голове, он действительно олицетворял свое прозвище. Напевая «чипи-бубс» и вздрагивая всем телом, покрытым сотней веселых веснушек, он помыл голову и принялся за тело. Потер под мышками так, что аж перевернулся, заулыбался, фыркнул, принялся обтирать плечи. И вдруг – звук. Будто ведро упало. Кто-то был на берегу – там, где его одежда. Он немедленно обернулся, думая только о том, что сейчас станет предметом какого-нибудь детского розыгрыша. Но нет. На берегу стояла женщина лет тридцати, не более. Круглолицая, полногрудая, с коромыслом и двумя ведрами.

– Так вы здесь воду набираете? – к своему ужасу и полному позору понял Кабеза. – Простите, я не знал.

– Да ниче, – ответила та, мило приподняв плечики, – мы здесь воду для черной кухни набираем. Она подолгу варится... Гляньте-ка, барин, вы тут полотенчишко свое оставить изволили, – добавила она.

Тот сбросил дежурное выражение гнева со своего и без того от рождения гневного лица. Слегка улыбнулся. Хорошенькая! Видать, крепостная. Лишь бы не спугнуть.

– Да, сеньора, полотенце мое.

Он подождал, но она не отходила. Смотрела на него в упор с берега. Что ж, придется вылезать. Прикрываться глупо. Баба ж пред ним, не ребенок. Он вобрал всей грудью воздух, распрямил плечи и направился к берегу. Преодолевая сопротивление воды, мышцы его напрягались, и пусть он был немолод, но тело его можно было сравнить с геркулесовым. Баба не отрывала от него глаз. Ее взгляд медленно опускался вниз по мере появления гайдука из воды. Когда же он выдвинулся оттуда почти целиком, лицо ее слегка удлинилось, и она еле слышно охнула.

Подобное пристальное внимание для любого могло бы показаться более чем неуважительным и вызывающим, но не для Кабезы. Дикая кровь его, горячая в любви и необузданная в одиночестве, казалось, заставляла кипеть воду озера. Она была так близко, вовсе не гнушалась его и не отводила взгляд. Замужняя ли? Кабеза вышел из воды, как бог, как сам Геракл к пантеону богов! Она протянула ему полотенце.

– Можете одеться, барин. Я не буду на вас смотреть...

Она ловко подхватила ведра и направилась к озеру. Кабеза остолбенел в некотором недоумении. И это все? Тем не менее оделся и даже предложил помочь донести ведра.

– Как вас зовут? – неспешно идя по сырой, вязкой дороге, спросил он.

– Марфа, я тут кормилица, в малюткином доме.

– Позвольте мне заверить вас, сеньора Марфа, что в озерцо я от незнания залез!

Женщина засмеялась.

– Не беспокойтесь, барин, – вдруг серьезно произнесла она, – в том озере, говорят, утопленница живет, так шо, акромья нее, вам возмущать там некого.

– Утопленница?

– Много лет тому назад, говорят, женщина камень себе на шею повязала и с понтона в самом центре в воду бросилась. Говорят, мужик ея здесь тоже убит был... Много тут народу гибнет, барин, так шо не купайтесь, не то кикимора какая под воду затянуть может.

Кабеза помолчал. Суеверия его смешили, но он спорить не стал. Марфа же продолжала.

– Озеро это в имение князя не входит, хотя раньше здесь нашенские бани стояли... А вы знаете, что это вовсе не озеро, а запрудь?

– В самом деле?

– Да, барин. Лет сто назад здесь мельницу построили и соорудили запрудь, но получилось озерцо, довольно длинное... так шо и понтон установили для удобству проезда. Однако место дурным прослыло, бани разобрали, понтон больше не ходить, так шо в обход до города добираемся.

– Почему место дурным слывет?

– Ах, о капище языческом говорят... Озеро якобы затопило его, а потому люди часто погибают...

– Тонут?

– Не только тонут. Волки здесь нападают... – тут Марфа махнула рукой. – Одно слово, нечистое место!

Кабеза спрашивать не стал... его привлекала женщина.

– Марфа, вы всегда за водой сюда ходите?

– Каждое утро, барин. Вода всем нужна, а с озера, шо у новой бани, вода не ахти какая. Глины много. А колодец у Дома только для питья стоит, барыня запретила к нему касаться.

– Понимаю. Можно мне помочь вам завтра?

– Раз вам так хочется, барин.

– Да, не называйте меня барином...

– Как же величать вас, барин?

– Кабеза!

Глава 12. Мечты

Вечером того же дня господин Тавельн, уставший после докладов на приеме у графини Алены, наконец распростерся в постели. Он опускался в нежную дрему, в свои мечты и сновидения.

Ему всегда хотелось видеть себя, хотя бы во сне, на приеме у самого императора в качестве персоны, чрезвычайно почитаемой, влиятельной и незаменимой. Чудодейство сна могло приподнять его в росте и расширить в плечах. А платья! Золотом расшитые, осыпанные алмазами... Там, в приемной самого императора, он держит шляпу по форме и готовится к приему.

– Его величество просит вас к себе, ваше многосиятьельство! – открывая перед юношей дверь, смиренно кланяется придворный лакей.

Из залитого светом зала его окутывают звуки восторга и комплиментов: «Это же его великородие, всеблагословенный государь Тавельн!» А дамы шепчут, восхищенно приподнимаясь на носочках: «Дайте нам на него взглянуть!» И все толпятся, и кланяются, и тарашатся... А он сжимает шляпу в руках и делает шаг в ослепительное зарево тысяч свечей. Объявляют его титулы и чины. Сердце выскакивает из груди, гордость и чувство самозабвенной любви к самому себе переполняют его. Он входит в зал, и вдруг все затихает, обмирает, сотни глаз изумленно замирают на нем. Нет, в них уже нет восхищения. «О, благодетель!» Тавельн опускает глаза и понимает, что шляпа – единственный предмет его туалета! Более на нем нет и нитки. В онемении он пытается использовать головной убор для прикрытия того, для чего данный предмет не был создан изначально, но весьма кстати имел подходящую форму...

Ужасно смущенный и униженный, господин Тавельн сделал шаг назад и потихоньку попятился к двери. Он сторбился, съезжился, распластал по бледному лицу виноватую улыбку. Но, к несчастью, сон продолжался своим ходом, и к нему навстречу с трона поднялся его величество. Придворные раскланиваются, расступаются. Величаво приближаясь, его величество начинает приобретать знакомые формы и очертания. Какое странное обстоятельство! С образом его величества сливаются форма и лицо маркиза де Конна. К чему бы это? Ему бы проснуться! Ущипнуть себя за щеку!

– Любезный, – между тем произнес его величество, многозначительно подняв бровь, – мне кажется, вам чего-то недостает... – он окинул Тавельна гневным взглядом. – М-м-м?!!

– А?... – затрясся Тавельн.

– Я вас спрашиваю, а вы отвечайте! – вдруг рявкнул его величество. – Да или нет?!!

Рот господина Тавельна было открылся, но император тут же крепко схватил его за щеку и оттянул так сильно и болезненно, что несчастный «вельможа» вскрикнул и... проснулся. Да не просто проснулся, а вскочил, прыгнул с кровати, обливаясь потом и слезами. Единственные грезы его были растоптаны каким-то заезжим маркизиком... Как тот вообще оказался в его сне?!!

– Глупость, сын мой, зрелище весьма отвратительное, – вдруг кто-то прокрипел за его спиной. Тавельн мог поклясться, что слышал голос дворецкого Бакхманна. – Что с вами такое приключилось? Ви в своем уме?

Он обернулся и, к своему горю, обнаружил себя стоящим на мостовой прямо на Невском проспекте! Господин дворецкий рассматривал его через золотой монокль, по-цыплячьи оттопырившись и содрогаясь от смеха, что отнюдь не придавало комичности виду самого Тавельна. Он был наг, как новорожденная свинка. Вокруг него сновали повозки, штатские лошаденки и искрометные офицеры на рысаках. Что ему понадобилось в столь оживленном месте при сем неглиже?!

Но тут на всем скаку к нему прорвалась карета с вензелями и гербом императорского дома. Вельможе надо бы скрыться, и – какой стыд! – никто его не замечает, никто не желает

помочь. Из промчавшейся кареты выглянуло бледное лицо королевы Марии Антуанетты в обрамлении черных волос с проседью. На него сыплется французская речь и немецкая брань.

– Простите, я не нарочно! – воскликнул несчастный вельможа.

На это голова королевы высунулась из окна уже удаляющейся кареты и плюнула. «Плюющаяся голова королевы», – подумал Тавельн. Поистине, не с ума ли он сошел, видя собственными глазами голову без тела? Очевидно, это явление было намеком на месяц и день рождения господина Тавельна, совпадающий с трагическим событием во Франции, а именно с обезглавливанием вышеупомянутой особы.

Происходящее сводило с ума, так как казалось неким знаком свыше. Но, к счастью, сон начал растворяться, и можно было даже ожидать скорого пробуждения. Небо расступилось, и сияние, проникшее сквозь сумрак видения, охватило вельможу. Через мгновение он открыл глаза, но не в постели, а в маленькой камере, вернее, даже каменном мешке с еле виднеющейся в потолке прорезью окна. Он стоял перед столом, за которым величественно восседало уже знакомое ему лицо. Возмущенный наглостью маркиза де Конна, Тавельн шагнул было к нему, но тут же обнаружил, что руки и ноги его скованы кандалами.

– Происхождение? – раздался по другую сторону стола знакомый голос бурмистра.

– Простите? – растерялся Тавельн.

– Вспоминайте, ваше величество! – отозвался маркиз. – Все уж готово для вашей казни, а вы капризничаете! Ну же, где родились? Отвечайте толком! Надо же нам закончить строки вашей всемилостивейшей биографии верным отчетом.

– Казни?!!

Тавельн чуть не заплакал. Он закрыл глаза ладонями и захлюпал. Нервы его были окончательно расстроены. Кто-то потянул его за руку. Тавельн сопротивлялся, он не хотел открывать лицо и еще больше сокрушался собственным бессилием.

– Да что с вами, барин?!

Голос, раздавшийся над головой, был голосом слуги Ваньки. Тавельн выглянул из-под руки и перед ним совершенно отчетливо возник образ его дворового.

– Ванька!

Тавельн был дома, в постели! Он живо вскочил, принял вид, достойный хозяина, и мрачно приказал принести ему ковш холодной воды. Лицо освежить. С безропотным «слушаюсь» слуга исчез в дверях.

– Вернусь утром к графине и все свое мнение о бурмистершке выскажу... – Тавельн не успел додумать свою сокровенную мысль, как в спальню ввалился Ванька с огромным ковшом воды, но вместо того, чтобы поставить принесенное на стол, мерзавец зло загоготал и в тот же момент окатил барина всей содержавшейся в нем ледяной жидкостью. Тавельн почувствовал, как сердце кольнуло. Пол надломился, тело стало проваливаться сквозь дощатые перекладыны. Ужас застыл в его глазах.

– Сначала попробуй проснуться! – неслось насмешливое улюлюканье вслед за падающим господином Тавельном. Сон обращался в вечный кошмар...

Часть 2. Храм над облаками

Глава 13. Волки

Господин Бакхманн согбенно склонился над раскладывающей пасьянс княгиней Камышевой.

– Приказчики наши, ваша светлость, беспокоятся насчет бурмистершки, – бормотал он.

– Что там с ним супротивного? – лениво протянула та.

– Говорят, он развел изрядно бурную деятельность в исследовании волчьих нападений.

Завтра с утра с едет по деревням с тем молодым прилипалой Брехтовым.

– Ах, бестия!

Она отпила чаю. Поморщилась.

– Макарка, чаек-то остыл, дурак! Подь сюды, по морде дам! – новость о преувеличенном интересе маркиза к делу о волках сильно расстроила барыню. – Сейчас же пошлите доверенных мужиков. Пушай его припугнут. Но так, не очень! Нервишки встряхните, шоб охоту по деревням бегать отбить, и усе.

– Понял, ваша светлость, – Бакхманн еще более согнулся. – Мои людишки им тють же займутси.

Он быстренько выскочил за дверь под звук звонкой затрещины, которые так любила раздавать своим лакеям Камышиха.

Следующим утром открытый экипаж маркиза покинул пределы пансиона. Воздух был свеж и задирист. Темень лишь начала рассеиваться, и фонари в передках бросали пугающие тени на тучные сосны.

– Вижу, вы человек с деловой хваткой, но никак не могу понять, почему вы решили искать этих волков? – закутавшись в походную медвежью шубу, спросил Брехтов. – Не проще было бы снарядить группу охотников для поиска и истребления выводка?

Де Конн выдохнул сизый дымок из покрасневшего носа.

– Волки-людоеды – явление редкое, – начал он, – в местах, где охоты нет. Ведь, как сказал дворецкий, охота закрыта...

– Что вы имеете в виду?

– Подумайте, раз здесь никто на оленей с мелочью не охотится, значит, лес должен быть переполнен дичью...

– Ах, ну да, конечно! – стукнул себя по лбу молодой следователь. – Зачем волкам нападать на людей у деревень, коль еды достаточно в лесу?.. Теперь понимаю!

– Это первое. Второе. Волки не нападают в лесу на взрослых крестьян, как правило, вооруженных топорами. Эти твари умны и будут выбирать только беспомощную жертву – маленьких детей.

– А дворецкий сказал, что зверье нападает на мужиков...

– Верно. Вот в том-то и мой интерес, милейший.

Брехтов согласно кивнул. Четырехконный экипаж, выйдя на прямую дорогу, погнал во весь опор. Экипировка для путешествия по глухим местам была простенькой, но надежной: всего три шпаги, одна широкая сабля, несколько кинжалов, набор даг, три боевых топора, дюжина штуцеров, пара короткоствольных пистолетов, пара кавалерийских нарезных карабинов с патронной сумкой, ящик с кремнем и провизией на два дня, Шарапа в качестве кучера и немой крепостной мальчишка Михайло, форейтор. Им предстояло объехать без малого семь деревень в поместье князя, где, по сообщениям местных, на скот и людей нападали волки.

– И надолго ли в наши места? – не унимался следователь. Де Конн утвердительно кивнул. – У вас есть семья?

– Они погибли, – сухо промолвил маркиз. В его холодном голосе прорезалась горечь.

– Как? – по следовательской привычке спросил Брехтов, но тут же опомнился. – Ах, простите...

– Вы извиняетесь впустую, право же, – растянул губы де Конн. – Это произошло чуть более двадцати лет назад, – он натянул шляпу на самый нос, вздохнул. Брехтов понял жест и приготовился слушать. – Я жил тогда на юге Испании. В сентябре уехал на охоту, на острова в Средиземном море. Всего на три дня. В замке остались жена с детьми и несколько слуг. Ночью туда ворвалась пара дюжин бандитов. Как я потом выяснил, им открыла двери экономка, девушка, которую я нанял за несколько месяцев до нападения.

– Так ограбление было подготовленным?!

– О да, и хорошо продуманным. В замке не осталось никого, кто мог оказать хоть сколько-нибудь достойное сопротивление.

– Они вырезали вашу семью?

– Убили только под утро, – зло хмыкнул маркиз, – то, что я увидел, вернувшись с охоты, перевернуло бы нутро самого ада!

Наступило недолгое молчание. Глотнув коньяка, маркиз отошел от прилива ярости, что так хорошо скрывал под маской безмятежности.

– Я понял, что нападавшими были люди с моря, так как по всей местности никто не мог определить их происхождения. Префектура оказалась не в состоянии помочь мне, и я взялся за поиски сам. На четыре года я нанялся в корсары и узнал все о каперских судах и командах близ берегов Испании. Вскоре в мои руки стали попадать первые плоды долгих трудов. Один из пиратов в обмен на быструю смерть рассказал, что ограбление было замышлено людьми из общества.

– Кто-то злонамеренно нанял пиратов, дабы не только ограбить, но и истребить вашу семью?

Маркиз согласно кивнул.

– Видите ли, жена моя принадлежала старейшему роду герцогов де Сварро. У них имелось достаточно врагов. Да и отношения нашего клана с ними уладились лишь с моей женитьбой на представительнице их рода.

– Теперь понимаю.

– Итак, к моим поискам прибавилась не только желчь мести, но и клановая распря. По следам, которые оставляли скупщики краденого, я добывал информацию. В девяносто девятом я охотился за одним из тех, кто стоял во главе нападения. За бароном фон Фойленом. Тот оказался врачом князя Камышева.

– Не хотите ли вы сказать, что и сам князь был замешан в столь грязном деле?

– Утверждать не могу. Барон покончил собой, как только узнал, кто я.

– У вас была жуткая слава, ваше сиятельство. Знал ли князь о ваших поисках?

Маркиз усмехнулся и цокнул языком.

– Нет. В тот год он пригласил меня на службу в качестве управляющего его заграничными владениями, а в прошлом году – и в качестве бурмистра. Благодаря ему, я бросил корсарство, выучился в медицинской академии и беспрепятственно смог перемещаться по Европе как управляющий светлейшего и как врач. Шесть лет назад я стал свидетелем долгой и мучительной смерти последнего из тех, кто зверствовал в моем замке, но так и не приблизился к тем, кто стоял за всей трагедией.

– Вы думаете, они еще живы?

– Уверен!..

Вдруг экипаж дернулся. Лошади, засуетившись, кинулись вправо, влево, а потом и вовсе понесли галопом, пытаясь оторваться от сковавшей их вместе оглобли. Шарапа привстал, натянул вожжи. Промерзшая кожа гужевых петель закрипела, постромки зазвенели от неожиданного напряжения. Пар от спин животных сизой дымкой взвился в мерзлый воздух.

– Волки! – крикнул Шарапа, указывая в сторону – туда, где темнела глушь соснового леса.

Не дожидаясь реакции хозяина, он полоснул кнутом спины первой двойки. Михайло, сидевший верхом на правом коне второй пары, невольно откинулся, но сумел удержаться. Экипаж понесло по припорошенной ранним снегом дороге. Маркиз и следователь обернулись. На границе между пасмурным небом и ровной кромкой леса нарастал звук, способный остановить кровь в венах путников. Неровно поднимающийся и пропадающий вой следовал за экипажем, пугая не только лошадей, но и вооруженных до зубов пассажиров.

– К мушкетам! – крикнул Брехтов, стягивая рукавицы.

Лицо его соседа напряглось. Маркиз вглядывался в серые пятна приближающейся погони.

– Позвольте им подойти поближе! – ответил наконец де Конн. – Стрелять нужно точно в цель!

– А не лучше ли пальнуть пару раз сейчас? – недоумевал следователь. – При эдаком шуме они могут и отстать... Волки боятся пальбы!..

– То не волки, уважаемый! – перебил его де Конн. – То собаки!

Брехтов вылутился на маркиза. Между тем заунывный шум нарастал прибойной волной, раскидывался по краям леса и ухал над головами. Экипаж бешено заколотило, задергало от неровного бега четверки перепуганных коней. Шарапа гикнул, неистово прошелся по крупам жеребцов прошитым кнутом. Те, фыркая и вскидывая головы, метались и толкались, будто охваченные огнем. Экипаж несло по раскисшей дороге, закидывая грязью возницу.

– Карамба, кабронес дэ мьерда! – слышалось с места Шарапы.

Извращенная ругань и жесткие щелчки кнута, в конце концов, привели животных в чувство. Но для Михайло было уже поздно. После нечеловеческих усилий удержаться в малом седле он повалился на бок и в попытках ухватиться мотавшейся рукой за соседнего коня, съехал промеж передников. Через несколько секунд его болтало под брюхом жеребца. Он умудрился вцепиться обеими руками в подбрюшник, запустив ноги под шлею. Увы, такое положение не устраивало ни фореятора, ни несущегося коня. Это понимали все, включая стрелков. Раздался первый залп ружей. Две собаки врылись в грязь, словно подкошенные. Эхо от выстрелов чечеткой разнесло печальную весть по узкой просеке. Оба стрелка ловко перезарядили штуцеры.

– Стрелок Преображенского полка, к вашим услугам! – выпалил следователь в ответ на восхищенный взгляд маркиза.

– Мое почтение! – ответил тот, и новый залп свалил еще двух псов. – Нам нужно отделаться от них как можно скорее, а то я потеряю фореятора!

Полукруг погони сужался вокруг задка экипажа. Прежде чем одно из серых созданий изловчилось нырнуть под брюхо правого передника, прогрехотало еще несколько залпов. Михайло заметил угрозу, подтянулся, выпрямился, чтобы не отдать собственный зад на потеху собакам. Та вцепилась в подол его кафтана. Под экипажем раздался крик борьбы. Михайло ожесточенно отбивался высвобожденной ногой, но от этого его хватка ослабевала. Он рисковал свалиться. На помощь псу поспешали еще трое, и Михайло завыл от ужаса. Вдруг над ним пронесся щелчок кнута от руки Шарапы, столь мощный и пронзительный, что разбил череп одному из нападавших животных. Второй пес отлетел со следующим ударом, подобно вышибленной топором щепке. Кровь и мозги веером покрыли новенькую одежду фореятора.

– Держись! – вывел его из шока голос Шарапы. – Подтягивайся, не зевай!

Удары кнута сыпались по телам догонявших псов. Грохот залпов, гул эха, рычание зверей. Грязь летела в лицо, и ветер, швыряя сухие листья, резал глаза. Но вдруг до слуха защищавшихся донесся звук. Раскатистый, заунывный, наподобие гудения охотничьего рога. Погоня мгновенно отстала, рассыпалась по кромкам леса и исчезла.

– Стой! – гикнул Шарапа, натягивая вожжи.

Рысаки вскоре перешли на шаг, и экипаж остановился. Шарапа спрыгнул, побежал к Михайло.

– Потерпи, – промолвил он, оттягивая тугую шлею от туловища коня. Примерзшие к ремням пальцы форейтора не разгибались.

– Возьми спирта и бинтов из моей аптечки! – приказал гайдуку де Конн. – Осмотри, нет ли рваных ран!

Маркиз вынул саблю из ножен, спрыгнул со ступенек экипажа и тяжелой поступью направился туда, где виднелись серые пятна на желто-алом ковре из листьев. Прошел к одной из собак, что еще шевелилась и жалостливо визжала. Брехтов, озираясь по сторонам, принялся перезаряжать все ружья и пистолеты. Ни звука из леса. Раненый пес не сопротивлялся железной хватке де Конна, и молниеносный удар отрубил зверю голову.

– Трофеи собираете? – спросил следователь, передернувшись от вида брошенной в ноги головы.

– Я любитель хорошей охоты и не бросаю подранка, – влез в экипаж де Конн.

– Ах, а я не больно-то хорош в этом деле... – вздохнул Брехтов.

– На курляндскую борзую похожа, – маркиз уселся и потер завиток шерсти на окровавленной шее трофея: на пальцах остался след серой пыли. – Значит, из княжеских псарен. А нам говорили, что они закрылись.

– Крашенные борзые! Вот те на!

– Вот думаю, не представить ли этот артефактик господину Бакхманну в помощь точности его мыслей относительно истории псарен, особенно о том, куда делись все егеря с выжлятниками.

– Это зачем?

– Собаки хорошо натасканы, а значит, кто-то с ними работает. Шарапа, как там Михайло?

– Живой! Можем трогаться, хозяин, но не галопом.

– Поехали! – маркиз откинулся на подушки, глотнул коньяка из фляги, предложил спутнику. – Отпейте, Владимир Касимович, если еще не согрелись.

Тот не отказался, улыбнулся. Суровый спутник нравился ему, и дорога показалась спокойнее.

Глава 14. Шаман

Перу, 1792 год

– Ты уверен, что желаешь этого, Путник? – шаман приблизился к обуреваемому гневом юноше. – Ты прибыл сюда, чтобы призвать великие силы ради мести. Но они могут овладеть и тобой, если ты потеряешь над собой власть.

Маркиз де Конн тяжелым взглядом обвел стоящих вокруг него людей, облаченных в маски. Беседа с ними внушала ему ярость предков, возбуждала жар крови и жажду кровной мести.

– Я, потомок клана Ульфаст, муж дочери семьи де Сварро, – произнес юноша, – призываю вас в свидетели моей молитвы о мести.

Шаман разжег сигару над костром. Он единственный был без маски. Острые широкие скулы, пронизательный взгляд, крепкое телосложение и гладкая цвета бронзы кожа, возраст которой невозможно определить. Он был безумно красив, словно цыган или... древнегреческий полубог.

– Я знаю тебя, – произнес шаман, – ты – маркиз де Конн... Твоей матерью была девушка из нашего народа... «людей над облаками»... прекрасная Ануи, наложница герцога, – юноша согласно кивнул. – Как она?

– Умерла по пути в Европу во время долгого возвращения отца по большой воде.

– Я рад, что твой отец, великий прорицатель северного народа, не бросил тебя.

– Мой отец – великий магистр ордена Дракона и достойный дворянин.

– Я помню его.

– Я рад, что ты помнишь о нашем прошлом, Старик, – глаза де Конна шурились на яркое солнце гор, – но теперь я говорю о настоящем. Моя семья погибла от рук людей моря. А указали им путь к убийству люди золота и власти.

– Ты желаешь призвать Демона Суда, Путник?

– Я думал, это называется Ангелом Возмездия.

– Называй «это» как хочешь, суть его одна – древний дух, порожденный демиургом до появления человеческой расы. Как медведь в лесу, как змея в песке, демоны не злые и не добрые. Они живут в своих сферах, входить в которые надо с почтением. Итак, желаешь ли ты призвать демона? – де Конн согласно кивнул. Перед ним стояли саркофаги посвященных. – Мы свяжем тебя и погрузим в восьмой саркофаг. Если твой демон воссоединится с тобой, то освободит тебя, если нет, ты останешься в каменном мешке навечно.

– Да будет так, Старик, – отозвался юноша.

Шаман поднял голову.

– Взгляни на саркофаги, Путник. Ты останешься без еды и питья. Ты будешь погребен заживо над бездной... Согласен ли ты с ценой ошибки?

– Старик! – вспыхнул молодой маркиз. – Мне нечего терять! Сама жизнь не имеет смысла! Позволь мне либо умереть, либо стать воплощением мести.

Конец сигары шамана сверкнул красными огоньками, терпкий дым взвился над головами, защекотал нос. Люди в масках молча связали ноги маркиза.

– А что это за демон, о котором ты говоришь? – спросил де Конн. Он начал волноваться, ему надо было о чем-то говорить.

– Я не могу сказать тебе многого, – шаман говорил медленно, нехотя, пускал сизые кольца дыма, следя за работой своих людей. – Твой демон Абдшу – третий из могущественных братьев. Первый из них – Кунтур, Великий Путник, преследующий и настигающий. Второй – Таликоан, тень снов, являющийся и овладевающий. Абдшу – меч суда. Все трое – духи возмез-

дия. Они спят в огромном изумруде. Пока демоны не потревожены, они пребывают в нашем мире. Если Абдшу воссоединится с тобой, все будет пики-чики: он защитит тебя от врагов, станет воплощением снов, проводником в тайный мир. Он устроит события и судьбы тех, кто связан с твоей миссией, так, что ты будешь сталкиваться с ними в нужный час и в положенном месте. При спуске с гор он даст тебе проводника к тайному миру, и ты обретешь власть над обеими сферами. Но смотри, порой даже ты не будешь знать замыслов и козней демона против тех, кого ты проклял.

Шаман снял со своей шеи амулет. Золотую, замысловатую по ковке цепочку с изумрудом. Произнеся несколько слов благодарности своим богам, он надел амулет на шею связанного юноши.

– Закрой ладонями глаза, – приказал шаман, – и думай о том, чего так сильно желаешь.

Де Конна подняли, торжественно пронесли к храму и опустили на дно саркофага. Он положил ладони на лицо. Как он ни пытался думать о мести, в его мыслях возникал образ жены и двух дочерей. Сначала смеющихся, играющих, полных жизни. Потом... мертвые тела, обескровленные, изодранные... иссохшая кровь на мраморном полу, лица без глаз, тела без кожи. В ужасе он попытался открыть глаза, уйти от воспоминаний о кровавой резне, но люди шамана уже плотно замотали веревками голову вместе с руками.

– Твой дух силен, ты принадлежишь посвященным, – услышал де Конн голос шамана, – твое место перед алтарем мистерий, но знай, демоны – духи без сердца. А у тебя оно есть, пусть раненное, опустошенное, но благородное и любящее.

– О чем ты говоришь? – тяжело дыша, сквозь зубы процедил молодой маркиз.

Шаман кивнул своим людям, вздохнул и пожал плечами.

– Предупреждаю тебя, Путник, демон – враг слабому. Не пожалей о его мощи. Сила его питается твоей клятвой и ненавистью. Остановить его сможет лишь прощение.

– Прощение?! Никто не будет прощен! Я уничтожу всех!

– Не зарекайся, Путник, – шаман поднял руку, каменная крышка в форме идола нависла над саркофагом. – Годы пройдут, и твое сердце наполнится любовью к дочери одного из тех, кого ты сейчас клянешься уничтожить... Молчи! Я уже говорил с Духами судьбы, их предсказание твердо, как алмаз. Ей будет семь лет, когда ты впервые встретишь ее...

Де Конн замолк. Перечить было бесполезно, над его головой опустился мрак.

Глава 15. Кладбище

– Какое бесчинство! – кудахтали сельчанки навстречу старосте деревни Лупки. – Уже середь бела дня в могилах роются!

Семен Хрунов возвращался из церкви, когда на все охочие девки раскричались о странного вида незнакомце, копающемся опосля полудня на могилах.

– Че орете?! – прикрикнул на них староста. – Курицы! Идите до дому, не смущайте народ...

А сам рысью помчался на кладбище. Что-то неладное было в этих новостях, что-то тревожное. Для самого старосты. Он пересек овражек по двум перекинутым бревнышкам. Чуть со спешки не опрокинулся. Ну да не впервой! Грязь и бездорожье, пора ненастная, осеняя, глухая. Вот и спины гробокопателей. Над ними стоит человек в одежде барской, богатой...

– Ну-ка стойте! – крикнул староста, но уже помягче.

Человек обернулся. Лицо темное, волос смоляной, глаза черные и будто бесовской зеленью сверкнули.

– Шой-то вы здесь сябе позволяете?.. – не успокаивался Семен, приближаясь, хотя ноги у самого как-то начали подкашиваться.

Он замедлял шаг. Голос задрожал при виде надгробной плиты. «Лета 1799 в 4-й день августа преставился раб Божий Мартын Валуевич Подольский», – прочитал он на отодвинутом белокаменном надгробии.

– Да вот, уважаемый, в грязи копаемся, – ответил незнакомец, как только староста подошел к краю разрытой могилы. – Правда, пока неизвестно в чьей.

Последняя фраза темного человека была двусмысленна, и Семен понял, о чем тот говорил, но попытался припугнуть непрошенных гостей.

– А вы кто такой будете? Я вон до полисии вмих донесу...

Тот усмехнулся, продолжая смотреть вниз, на открывающееся чрево могилы.

– Маркиз Авад де Конн к вашим услугам. Управляющий и бурмистр князя Камышева, – произнес он с той простотой и снисходительностью, которой мог обладать человек большой власти и ума. – А вы, уважаемый, старостой сего места будете?

– Аха, Хрунов я, Семен, – ответил тот. – Деревня Лупки.

Со звуками кирок и лопат, звенящих о мерзлую твердь, самочувствие Семена стало ухудшаться.

– Как часто здесь могилы вскрывают, уважаемый? – спросил маркиз.

– Ежегодно! С десятков раз уж, и всякий раз перед субботой. И не только нашенское, простецкое, но и дворянское разрывают. Бесчиние какое. И шо срамно делают-то? Головы утаскивают.

– Воров видели?

– А як же. То нелюдь пришлая. У одного, как сказывали, голова медвежья, у иного птичья...

– Двое?

– Да хто ехо знает! Можеть, и двое, можеть, и целая свора нечистых... Однакожь не извольте сердчать, вашество, но я на вас в полисию все равно заявлю.

– Вам, боюсь, до полиции недолго бежать, – все с той же безмятежностью продолжал де Конн. – Судебный следователь у вас уже дома сидит. Ждет.

С последними словами маркиз изволил повернуться к Семену. Тот вздрогнул.

– Не вы ли подписали бумаги, свидетельствующие о причинах смерти Мартына Подольского? – продолжал маркиз.

Старосте от этого вопроса совсем скверно стало. Перед его глазами возникла уже почти забытая сцена, когда двое княжеских холопов втащили разбитое тело в его дом. С ними священник и врач. Тогдашний врач. Барон фон Фойлен. «Удар у него апоплексический случился, так и пиши», – говорил барон. Кровь, слипшиеся волосы, выбитые глаза от ударов по затылку. «Да у нехо все кости переломаны!» – пытался указать на преступление староста. «По дороге с озера в телеге сильно трясло! Подписывай!» – топнули на мужика ногой.

– Ну, так что же стало причиной смерти Подольского, на ваш взгляд? – безучастный голос маркиза пресек стылую волну воспоминаний.

Вдруг удар лопаты брякнул об уступ почерневшего гроба. Железные гвозди прогнившей крышки противились, но, наконец, поддались. У старика перехватило дух. Он шарахнулся, отступил от края, но его тут же ухватили сзади и пихнули к самой кромке ямы. То был гигант, чьи огромные руки-клещи застыли в воздухе с телом Семена. Староста нелепо подогнул ноги. Скелет приподняли лопатами. Осветили лампами. Череп, проломленный в виске, оскалился на старосту в злобе за неотомщенную смерть. Разбитые колени и ребра. Семен тряхнул седой головой, съежился и жалобно проямлил:

– Да мне же... я бы... я же... кабы не подписал... я же бы...

Вдруг маркиз крепко, но дружелюбно, подхватил бедного старосту за плечи, освободив от объятий гиганта.

– Слышал я, – улыбнулся он, – что жил в Древней Руси монах Иоанн Печерский, по приказу коего мертвецы сами занимали отведенные монахом для них места. Возможно ли такое? А еще слышал я, что одного из первых русских священников прозывали «лихим упырем». Это правда? – вопросы совершенно ошеломили старика. Он похлопал глазами в поисках вразумительного ответа. Де Конн усмехнулся. Он всегда использовал этот трюк с вопросами, когда люди сильно пугались и замыкались в себе. – Не убоготе вы ли вы меня в малой просьбе?

Семен только головой кивнул, ничего не сказал, но его руки нервно очерчивали в воздухе нечто большое и значительное.

– Вот и хорошо, не переживайте, – голос собеседника становился теплее. – Мне бы в сельской церкви на метрические книги взглянуть... А следователь Брехтов вас за чаем ждет. Про ваше варенье ему у нас рассказывали, вот он и соблазнился. Так что мы у вас переночуем. Не против? – старик согласно крякнул. – Ну а пока я книги эти просматривать буду, вы, уважаемый, вспомните, как звали тех, кто вас подписать бумаги заставил.

Староста напряженно ощерился, облегченно выдохнул давивший воздух и в согласии закивал головой.

Глава 16. Шарапа

Перу, 1792 год

Демон Абдшу явился к маркизу словно во сне. Они беседовали целую вечность, и вдруг Кунтур черной птицей сел на саркофаг, выбил отверстие в идоле и сорвал перевязь с глаз юноши. Неизвестно, сколько он пробыл там, в скальном ущелье, но к моменту, когда он встретил первую населенную деревню, его лицо покрывала растрепанная борода, а на глаза спадали густые спутанные волосы.

Люди той деревушки, знающие о мертвом городе в горах над их равниной, бросились в стороны при виде возникшего в деревьях незнакомца в рваной одежде. Более двухсот лет назад инки вырезали все население города-призрака. Ныне там жили только шаманы и демоны!

«Чунте!» – пронеслось над деревней. Старики замерли, дети спрятались, женщины замолкли. Вождь племени встал навстречу. Маркиз вступил в центр селения. В деревушке воцарилось молчание, благодаря которому де Конн услышал легкие стоны. Ребенок? Вождь указал на одно из жилищ, дощатую крышу на столбах. Что-то случилось, кто-то умирал или был смертельно болен. Местный лекарь, бубнивший заклинания над телом лежащего мальчика, в ужасе отскочил от подошедшего гостя. Никто не приближался к де Конну, его сторонились, но в то же время в нем нуждались. Семенящий за маркизом вождь протянул руку к телу мальчика.

– Его укусила змея, – сказал он, – силы оставили его в прошлую луну, но он не умирает. Духи мертвых готовили его к твоему приходу.

Последние слова могли бы удивить гостя, если бы он не помнил обещание шамана о спутнике, дарованном ему проводнике в тайный мир. Индейцы покорно ждали.

– Я вылечу его, но при одном условии, – произнес маркиз голосом столь гулким, что птицы шумными стайками сорвались с веток деревьев и унеслись, – вы отдадите его мне в вечное служение.

Вождь взглянул на женщину, сидевшую поодаль от больного мальчика. Мать? Та глянула на незнакомца и согласно вздохнула.

– На вечность, – вождь качнул головой, – раз человек с облаков так желает.

Маркиз устремил взгляд на вершину горы предков. Она мерцала, как изумруд в полотно пепельно-синего неба.

– Отойдите, – сказал он, – и не бойтесь ничего, что придет из джунглей.

В деревне воцарилось безмолвие. Лишь стоны мальчика прерывали напряженную тишину. Вдруг ветер ударил по вершинам деревьев. Птицы уже разлетелись, и одинокий шорох листьев казался зловеще шипящим. Де Конн протянул над измученным телом ребенка руку. Его лицо покрылось сетью тонких вен. Гул, подобно воздуху из пещеры, вырвался из его груди. Он звал кого-то или что-то, а там, в темноте взволнованного леса, в глубине клочущей тьмы, просыпались звуки, рычание и стоны странных существ.

Но вдруг в тени лиан и раскидистых орхидей раздалось урчание. То было не приятно-домашнее, а зловеще-голодное урчание огромной кошки, которую местные охотники называли Духом леса. Пума! Люди прижались к земле. Де Конн воззрился на пришельца из джунглей. Он ждал зверя. Дикая кошка замерла на мгновение, блеснула янтарно-желтыми глазами. Еще секунда, и яростный рывок взвил ее над алтарем. Пыталась она напасть на де Конна или ворваться в его темный мир? Люди вскрикнули, но, ко всеобщему удивлению, тело пумы упало замертво к ногам незнакомца. Бескровное жертвоприношение потрясло жителей деревни. Никто не сдвинулся с места, никто не промолвил и слова. Де Конн рукой позвал вождя.

– Я назову мальчика Шарапа, – сухо произнес он. – «Дикарь». Вы можете пребывать с ним лишь до первого крика тукана. Затем отпустите его... Он сам найдет меня.

Вождь в недоумении уставился на тело ребенка. Тот уже не стонал, бледность кожи начала отступать. Мальчик оживал, будто отходил от спокойного сна, потягиваясь и ворочаясь. Мать ребенка бросилась к алтарю, а за ней вся деревня. Он был совершенно здоров и весел. С уходом незнакомца детвора разразилась восторгами, женщины залепетали, мужчины хлопали друг друга по плечам. Только вождь племени был невесел. Он ждал кряканья тукана, его лягушачьей трескотни. И вот через минуту-две первый крик птицы многоголосым эхом пронесся над туманом джунглей.

– Ему пора идти, – безрадостно произнес вождь.

Но люди не желали соглашаться. Незнакомец ушел и вряд ли вернется! Зачем отпускать ребенка в опасный путь? Деревушка наполнилась трезвоном голосов, жаром спора в поиске справедливости. Больше всего за ребенка просила мать, и вождь беспомощно разводил руками. Вдруг крик девочки, сестры ожившего мальчика, положил конец всем уговорам.

– Кори!

Люди глянули на алтарь с мальчиком и в страхе шарахнулись в стороны. На них смотрели желтые глаза зверя.

– Глупцы! Он более не человек! – воскликнул вождь. – В нем обитают духи мертвецов!

Глава 17. Подольские

Дом старосты деревни Лупки можно было назвать зажиточным. При нем были мельница, сарай, хлев, гумно и амбары. Последние хранили запасы всей деревни на случай голода. Просторное крыльцо под крышей, нарядная резьба, двор с широкими воротами под навесом, крашенные причелины и наличники. Сам дом – не клеть какая-нибудь. Просторная горница с огромной печью, пара сеней, хозяйственная и кухня. Печь топилась добротнo, без дыма. Терпкий запах от щей и конопли. Гости остановились в горнице. За печью на голбце тихо устроилась детвора. Молодежь выгнали в теплые сени. Хозяева хотели было устроиться на полатах, а кровать за деревянной перегородкой предложили маркизу, но тот попросил освободить ему лавку у стены напротив печи, и все. Шарапа ушел в холодные сени. Его пристанищем стал обычный деревянный стул. Брехтов устроился на печи. Маркиз растянулся на лавке, застеленной войлочным покрывалом. Не спалось. Он лежал на животе, уставившись на тускло горящую сальную плошку.

– Вас что-то беспокоит, ваше сиятельство? – по-французски спросил Брехтов.

Он разумно прикинул, что уютное тепло и простота обстановки расположат де Конна к откровенному разговору. Да и французского здесь никто, кроме них, не понимал. И верно, по лицу маркиза растянулась улыбка.

– Уже давно, в декабре девяносто восьмого, – начал он тоже по-французски, – на побережье Перу погиб некто Сергей Подольский. Погиб трагично, а через несколько месяцев здесь был убит его отец, Мартын Подольский.

– Не о том ли Мартыне вы говорите, который неожиданно умер у озера в августе девяносто девятого?

– Да, о нем.

– Разве он умер не от удара?

– От удара, милейший. По голове, – де Конн уселся на лавке и уперся локтями в колени. – Сегодня утром я распорядился выкопать гроб Мартына Подольского и вскрыть его. Совершенно определенно, его пытали. Сначала разбили колени, потом раздробили пальцы рук и ног...

– За что?!!

– Пока не знаю, но, если вы хотите знать, о чем я беспокоюсь, отвечу, – маркиз сделал паузу, прислушался к шуму за печкой: кто-то из детей бормотал во сне. – Характер ударов на теле мне очень знаком. Более того, палач был левшой.

– Вы где-то видели людей, пытаемых тем же способом?

– Я видел трупы людей, убитых таким же образом. В моем замке двадцать лет назад.

– Минутку, – Брехтов бесшумно соскочил с печи и присел на стул перед маркизом. – Ваша семья и Мартын были убиты одним и тем же человеком?

– Верно. Это первое. Второе, от старосты я разузнал имена тех, кто привез труп Мартына сюда, в дом Семена, чтобы тот «засвидетельствовал» смерть несчастного от инсульта. Ими были барон фон Фойлен и два приказчика. Но первый был врачом и знал более изысканные методы пыток. Нет, барон не мог прибегнуть к подобному избиению.

– Значит, убийцей был кто-то из приказчиков... – тут же нашел ответ Брехтов. – Найти и допросить!

– Увы, они погибли. Один в драке, второй сильно выпил прошлой зимой и насмерть замерз. Но вряд ли они были палачами. Чтобы объяснить вам, почему я в том сомневаюсь, нужно вернуться к смерти Подольского-сына. Сергей, находясь в Перу, обратился к шаману. Видите ли, все письма отца к сыну, по-видимому, перехватывались и до почтамта не доходили. Сергей волновался о состоянии родителей, а потому и прибег к подобной связи с ними. Он

слышал, что шаман может ответить на вопросы относительно родственников, об их самочувствии и их нынешних обстоятельствах не выходя из дома.

– Это как же?

– О том могу сказать немного, – де Конн, казалось, раздражался. – Для этого шаман обращался к духам снов через медиума. Им был посвященный мальчик, чистая душа. Он рассказал шаману о грядущем убийстве Подольского-отца, упомянув двух человек со шпагами.

– Со шпагами – значит, дворяне?

– Верно.

– Тогда убийца вашей семьи может находиться здесь, если жив, – мысли следователя набирали стремительный бег. – Возраст его должен быть не менее сорока, путешествовал, завсегдатай Дома, возможно, посетитель балов или даже салона графини Алены!

– Таких среди гостей немало, милейший, думаю, надо искать камни, ведь большинство драгоценностей, взятых в моем замке, воры переплавили, но некоторые переплавить крайне сложно. Даже если они сумели распилить какую-то их часть, то найдутся и целые, наиболее ценные из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.